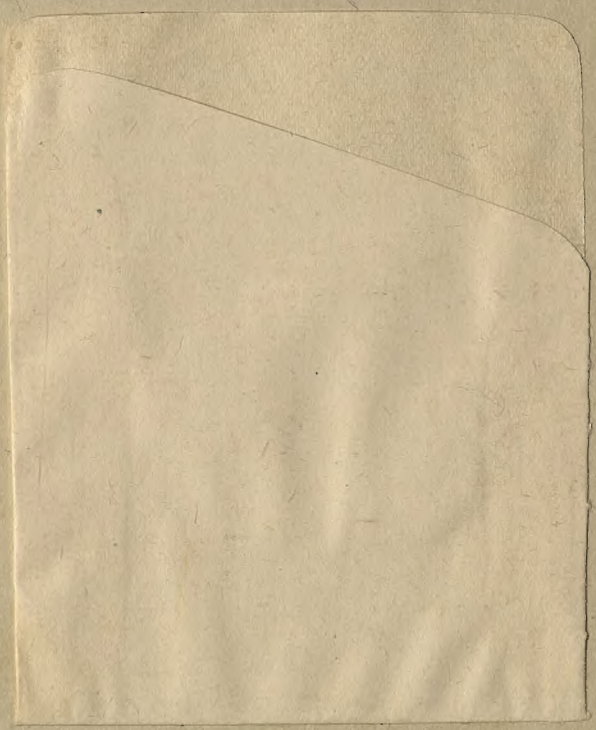
Рб 6/676.
Новое известие о России.... Л. 1934г.
76
180

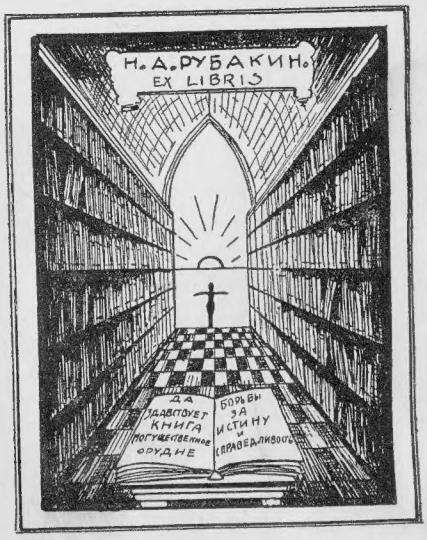


АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА С С Р

И 56/320

НОВОЕ ИЗВЕСТИЕ О РОССИИ ВРЕМЕНИ ИВАНА ГРОЗНОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД


Н. А. РУБАКИН.
EX LIBRIS
ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КНИГА
ПОГУБИТЕЛНОЕ
ОРУДИЕ
БОРЬБЫ
ЗА
ИСТИНУ
И
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Р 6/676

НОВОЕ ИЗВЕСТИЕ О РОССИИ ВРЕМЕНИ ИВАНА ГРОЗНОГО

„СКАЗАНИЕ"
АЛЬБЕРТА ШЛИХТИНГА

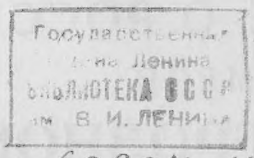
ПЕРЕВОД, РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
А. И. МАЛЕИНА

2-е издание

17911

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД · 1934

2020075367


Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
60334-48

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина
ОТДЕЛ
СПЕЦХРАНЕНИЯ

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Сентябрь 1934 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания А. И. Малеин

Технический редактор Г. А. Стратановский — Ученый корректор М. И. Коровин

Сдано в набор 3 августа 1934 г. — Подписано к печати 4 сентября 1934 г.

64 стр.
Формат бум. 72 × 110 см. — 4 печ. л. — 37 120 тип. зн. — Тираж 5175
Ленгорлит № 23718. — АНИ № 475. — Заказ № 199

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ВВЕДЕНИЕ

Происхождение издаваемого впервые целиком „Сказания“ обстоятельно выяснено проф. Е. Ф. Шмурло в сборнике „Россия и Италия.“[1] В 1570 г. папа Пий V и Венецианская республика вознамерились привлечь московского царя к антитурецкой лиге. Посредником между папой и республикой, с одной стороны, и Иваном IV, с другой, был избран польский нунций Портико. И вот, когда он собирался уже ехать в Московию для переговоров с царем и для обращения его в католичество, в Польшу явился бежавший из московского плена некий Альберт Шлихтинг и насказал сперва устно, а потом и письменно таких ужасов про жестокость Ивана, что у нунция пропала всякая охота к поездке. Он немедленно послал доклад Шлихтинга, написанный им для Сигизмунда Августа, в Рим, и там это сообщение произвело также сильное впечатление. Пий V написал Портико следующее:[2] „Мы ознакомились с тем, что вы сообщали нам о московском государе; не хлопочите более и прекратите сборы. Если бы сам король польский стал теперь одобрять вашу поездку в Москву и содействовать ей, даже и в этом случае мы не хотим вступать в общение с такими варварами и дикарями“. Таким образом всякая мысль о переговорах с Московией была оставлена.

Поразившее католический мир сообщение Шлихтинга сохранилось в Ватиканском архиве среди бумаг Портико.[3] Довольно обстоятельный обзор его содержания дал Е. Ф. Шмурло,[4]

[1] Т. II, вып. 2, СПб., 1913, стр. 227 сл.

[2] За отсутствием оригинала цитую по переводу Шмурло, о. с., стр. 236.

[3] Из статьи Г. В. Форстена „Архивные занятия в Берлине, Дрездене и Мюнхене“ (Журн. мин. нар. просв., 1886, № 5, стр. 38) видно, что „Сказание“ имелось и на немецком языке (Eine kurtze Erzelung von des Moskowitischen Tyrannen Basilij selten und grausamen Tyranischen Regiments — в Мюнхенском архиве).

[4] О. с., стр. 249—257.

который привел также несколько выдержек в латинском оригинале.

В настоящее время Историко-археографический институт получил из Рима фотографические снимки всего доклада Шлихтинга. На основании их и выполнен настоящий перевод его. Рукопись помещена на 23 листах, помеченных цифрами 10—33. Настоящие размеры ее неизвестны. Величина фотографий, несомненно уменьшенных,—17×11.[1] Рукопись не является оригиналом, а представляет четкую современную ее написанию канцелярскую копию, исполненную в начале весьма тщательно, а в конце несколько небрежнее. Что это не оригинал, можно судить по тому, что она помещена не отдельно; затем в ней имеется несколько неисправленных описок; особенно характерен для переписчика пропуск на л. 14 об., где две фразы должны были начинаться с одних и тех же слов inter alios, и первая из этих фраз пропущена на своем месте и вставлена на полях.

Сведения об авторе „Сказания" почерпаются только из него самого. Сообщению предпослано краткое предисловие, которое, повидимому, не может принадлежать самому Шлихтингу. Об этом можно судить по тому, что в дальнейшем повествовании автор всюду обращается к королю и говорит про себя в первом лице, здесь же об авторе идет речь в третьем лице и в таких выражениях, которые вряд ли можно приписать его собственному перу.

Этот Шлихтинг, „померанский уроженец", „человек военный и честный", попал в плен к русским при взятии литовской крепости Озерище, что Карамзин[2] относит к 6 ноября 1564 г. Как уроженец Померании, Шлихтинг знал, кроме немецкого, и „русский" (славянский) язык, а потому в Москве попал, „в качестве слуги и переводчика", к „итальянскому врачу", бывшему на службе у царя. Врача итальянца у Грозного не было, а, вероятно, здесь разумеется бельгиец Арнольд Ленэй.[3]

---

[1] Пирлинг (La Russie et le Saint Siège. I, Paris, 1896, pp. 394—395) называет записку Шлихтинга „prolixe mémoire de soixante-cinq grandes pages". Если это именно наш текст, то счет страниц ошибочен, так как текст Шлихтинга начинается только с 10-го листа и кончается на 33-м.

[2] Т. IX, стр. 45 (издание „Севера").

[3] Ср. Карамзин, т. IX, прим. 300, со ссылкой на В. М. Рихтера, История медицины в России. I, стр. 285.

Семь лет служил этому врачу Альберт, а затем, увидев, что и его жизни грозит опасность, с согласия своего господина убежал в Польшу, где и составил „Сказание".

Кроме того, в издании Scriptores rerum Polonicarum[1] имеется краткое сообщение, на немецком языке, под заглавием: Nova ex Moscovia per nobilem Albertum Schlichting allata de Principis Iwani vita et tyrannide („Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом о жизни и тирании государя Ивана").

Таким образом отсюда можно почерпнуть новый факт для биографии Шлихтинга, именно его дворянское происхождение, которое и заставляет его, как увидим ниже, относиться с особой симпатией к боярскому классу, преследуемому Грозным.

Наконец, латинский текст повествования позволяет предполагать, что составитель получил хорошее по тому времени образование и был начитан в классических писателях. Цитаты из трех из них (Виргилия, Ювенала и Теренция) он приводит в своем рассказе, хотя и не называет авторов по имени.

Какие именно семь лет Шлихтинг провел в Московии, определить довольно легко. Если, как сказано выше, он был взят в плен в ноябре 1564 г., то бегство его должно быть отнесено к 1570—1571 гг. Эта вторая дата может быть точнее определена следующим образом. На стр. 48—49 Шлихтинг упоминает воеводу Ивана Петровича (Яковлева), „который ныне отправился с Магнусом для осады Ревеля". Эта осада Ревеля началась 21 августа 1570 г.[2] и продолжалась до 16 марта 1571 г. Во второй половине 1571 г. этот Яковлев был забит батогами до смерти, как заподозренный в порче царской невесты Собакиной.[3] Во всяком случае Шлихтинг упоминает про страшный голод, охвативший страну во второй половине 1570 г. Соответственно с этим в предисловии к немецкой записке Шлихтинга издатели отнесли ее к осени 1570 г.[4]

Шлихтинг заключает свое латинское сказание торжественным заверением: „То, что я пишу вашему королевскому величеству, я видел сам собственными глазами содеянным в городе Москве. А то, что происходит в других больших и малых го-

[1] Tomus primus. Cracoviae. 1872, pp. 145—147.

[2] Шмурло, о. с., стр. 251.

[3] Русский биографический словарь. Яблоновский—Фомин. СПб., 1913, стр. 89.

[4] Script. rer. Polonicar., I, стр. 144.

родах, едва могло бы уместиться в (целых) томах". В немецкой записи тон несколько менее решителен: „То, что я только что описал вашему королевскому величеству..., не выдумано, бог тому свидетель, что я все это отчасти сам видел и слышал".

Какие же моменты царствования Грозного привлекали особое внимание Шлихтинга? Перечислю их кратко. Стремление Ивана IV к уничтожению наиболее родовитых бояр. Гибель Димитрия Овчины и других лиц. Просьба бояр и митрополита о прекращении кровопролития. Введение опричнины. Бесчинства опричников. Убийство князя Ростовского. Гибель князя Ивана Петровича (Челяднина-Федорова). Истребление его имущества. Гибель казначея Хозяина Дубровского. Отношение царя к своему зятю Михаилу Темрюковичу. Гибель думного дьяка Козарина-Дубровского. Казни в Александровском дворце. Характер старшего сына царя. Гибель Федора Умного. Религиозность и мнимо монашеский образ жизни царя. Подробное описание похода на Новгород и более краткое на Псков. Прибытие королевских послов. Гибель князя Афанасия Вяземского. Опустошение Торжка и Твери. Истребление пленных поляков. Гибель шести человек из-за кольчуги Челяднина-Федорова. Казнь начальника над воинскими орудиями. Наказание одного дьяка и его гостей за неуместное любопытство. Казнь князя Горенского и его слуг и опричника Петра Зайцева. Тиранство царя над женщинами. „Тиран толкователь сновидений". Издевательство над Борисом Титовым. Казнь воеводы Владимира (Морозова). Мучение в 1566 г. трехсот бояр, просивших тирана прекратить казни. Травля людей медведями. Сожжение людей живыми за то, что ели телятину. Утопление одного дьяка по наговорам монаха. Расстрел из лука воеводы и двух бояр, взятых в плен поляками при взятии Изборска. Уничтожение татар, служивших царю. Издевательство над князем Борятинским. Казнь Третьяка, брата Висковатого, и его жены. Сожжение живым Башкина за склонность к лютеранству. Убийство шута Гвоздева. Издевательство князя Прозоровского-Оболенского над братом. Избиение польских пленных 20 июля 1570 г. Убийство князя Петра Серебряного. Тиранство над боярами 25 июля 1570 г. Предчувствие тирана или предзнаменование. Надругательство над знатными женщинами.[1]

[1] Ср. Шмурло, о. с., стр. 252—253, у которого есть некоторые пропуски и неточности, как, напр. смешение казначея Хозяина Тютина и думного дьяка

В общем, видимо, автор придерживался хронологического порядка, но часто отвлекался от него, руководимый скорее всего опасением пропустить что-нибудь более важное. Этим объясняются и неоднократные повторения.

Остановимся на некоторых более крупных фактах повествования Шлихтинга с целью показать их историческую достоверность. Прежде всего, с этой точки зрения, привлекает внимание рассказ об учреждении опричнины. Шлихтинг имеет о цели учреждения ее очень смутное представление, именно он понимает ее как уничтожение царем „своих приближенных, а особенно тех из них, кто отличался знатностью и древностью рода". Но причины для такого уничтожения заключались, по его мнению, в ненависти к этим лицам за их советы „править, как подобает справедливому государю, не жаждать в такой степени христианской крови" и т. д. Рассказав затем о гибели князя Овчины, Шлихтинг сообщает, что царь под влиянием новых увещаний бояр и митрополита почувствовал якобы угрызения совести и почти шесть месяцев воздерживался от казней, а сам обдумывал за это время проект устройства опричнины. О знаменитом отъезде в Александровскую слободу Шлихтинг не упоминает вовсе, а представляет дело так: царь призвал к себе знатнейших вельмож и заявил им о своем пресыщении властью и желании жить в отдалении и уединении, вместо же себя, в качестве правителей, рекомендовал своих сыновей, прибавляя, что во всяком трудном деле готов помочь им своим советом, так как будет жить поблизости. И действительно, он выстраивает себе в Москве особый дворец. „По соседству с этим дворцом он соединил особый лагерь, начал собирать опричников, то есть убийц, и присоединил их к себе самыми тесными узами повиновения". Про слободу же Шлихтинг упоминает впервые значительно позже, говоря, что когда народ начинает волноваться от постоянных казней, то тиран покидает Москву и обычно часто уезжает в Александровский дворец.[1]

К рассказу Шлихтинга отчасти примыкают Таубе и Крузе, которые также говорят об обращении царя перед отъездом

Козарина-Дубровского или рассказ о „гибели" двух братьев Оболенского-Прозоровского, тогда как на самом деле не погиб ни один из них.

[1] Почему он называет ее так почетно, объясняет Гваньини (стр. 47): „Когда великий князь обычно приезжает на отдых в свой Александровский дворец, некогда, раньше, чем он был прекрасно выстроен, называвшийся слободой.

в слободу, но не к одним боярам, а ко всем чинам, с заявлением о том, что они не хотят терпеть ни его, ни его наследников, а потому он и решил передать созванным свое правление. На другой день после этого последовал отъезд в слободу. Штаден рассказывает обо всем этом очень кратко: „Великий князь из-за мятежа выехал из Москвы в Александрову слободу". Из всего этого можно, кажется, сделать тот вывод, что безмолвность и таинственность, которыми облекает наша летопись отъезд царя в слободу, вряд ли соответствуют действительности. Летописи, вытекавшие из клерикальных и боярских кругов, в то время явно оппозиционных царю, всячески старались затушевать эту оппозицию и потому стремились представить дело так, как будто это было произволом или капризом царя. Может быть, отъезд не был обставлен даже такой таинственностью, как это изображается обычно.

Сказание Шлихтинга занимает одно из центральных мест по разъяснению грандиозного заговора против Ивана IV, возникшего в 1567 г.[1] Из русских источников про вторую часть этого заговора упоминается только в Переписной Книге Посольского Приказа 1626 г.: „Столп, а в нем статейной список из сыскного из изменного дела 78 (1570) году на Ноугородцкого Архиепископа на Пимена и на новгородцких Диаков, и на Подьячих, и на гостей, и на Владычних Приказных, и на Детей Боярских, и на Подьячих, как они ссылалися к Москве с Бояры, с Олексеем Басмановым и с сыном его Федором, и с Казначеем с Микитою Фуниковым, и с Печатником с Ив. с Михайловым Висковатого и с Семеном Васильевича сыном Яковля, да с Дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасием Вяземским, о сдаче Вел. Новагорода и Пскова, что Архиепископ Пимен хотел с ними Новгород и Псков отдати Литов. Королю" и т. д.[2] Подлинник этого дела бояре постарались уничтожить. Поэтому сведения о заговоре сохранились только у иностранных писателей, а именно

[1] Сведения об этом заговоре разработаны ясно и убедительно в ненапечатанной, к сожалению, работе Рейжевского, хранящейся в Историко-археографическом институте.

[2] Карамзин, т. IX, прим. 299. Соловьеву (II, ст. 176, прим. 1) этот источник был также известен, но в тексте он выражается очень осторожно: „Это сыскное изменное дело до нас не дошло, а потому историк не имеет права произнести свое суждение о событии".

у польского хрониста Мартина Бельского, лифляндских историков Кельха и Геннинга, недавно изданного Штадена[1] и, наконец, у нашего Шлихтинга. Из новых историков существование этого заговора предполагали с большей или меньшей категоричностью Щербатов и Арцыбашев.[2]

Суть дела заключается в следующем. Осенью 1567 г. царь задумал большой поход в глубь Ливонии, 21 сентября он выехал на литовскую границу, а 12 ноября, после совещания со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем и боярами, решил немедленно вернуться обратно. Причина этого крылась в том, что польский король Сигизмунд-Август через некоего Козлова стакнулся с московскими боярами, и те обещали выдать ему царя. Когда это намерение было раскрыто и царь уехал домой, то и Сигизмунду не оставалось ничего иного, как распустить войско и вернуться в Гродно. Шлихтинг с некоторой неточностью представляет дело так (стр. 28): „И если бы польский король не вернулся из Радошковиц и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено, потому что все его подданные были в сильной степени преданы польскому королю". Это показание его особенно красочно потому, что наряду с этим прямым признанием вины бояр (их, конечно, прежде всего следует разуметь под „всеми его подданными"), Шлихтинг, как родственный им по происхождению, при описании каждой казни изменников, старательно подчеркивает их невиновность.

Роль князя Владимира Андреевича в этой истории представляется так. Повидимому, он сам принимал участие в заговоре, но увидел, что успеха на его осуществление мало. Тогда он, вместе с князьями Бельским и Мстиславским, отправился к Ивану Петровичу Челяднину-Федорову, стоявшему во главе всего предприятия, взял у него список участников, якобы под тем предлогом, что к заговору хотят примкнуть новые лица, и, заметя таким образом свои следы, открыл все дело царю. Но впоследствии, когда его участие выяснилось, он был умерщвлен[3] по приказу царя. Началось следствие, которое, конечно, производилось с утонченной жестокостью того времени

[1] Все эти свидетельства приведены в указанной работе Рейжевского.

[2] Цитаты приведены в указанной работе Рейжевского.

[3] Подробности гибели князя Владимира известны только из иностранных источников и противоречат друг другу. Ср. Соловьев, II, стр. 172—173, прим. 3.

и прежде всего с применением арсенала всевозможных пыток. Особенно жестоко пострадал глава заговора Челяднин-Федоров. Он погиб не только сам с семейством, но все его поместья с их обитателями и хранившимся там имуществом подверглись полному уничтожению. Описание этих подробностей у Шлихтинга имеет особое значение, как вероятное показание очевидца. В результате расследования измены оказалось, что она пустила свои корни очень глубоко и захватила высшие власти Новгорода как светские, так и духовные, в союзе с наиболее близкими к царю лицами, как, например, князем Вяземским, которому царь особенно доверял.[1]

Это и вызвало знаменитый разгром Новгорода, которому Шлихтинг в своем „Сказании" уделяет очень много места. Но можно думать, что он не был при этом лично. Этим легче всего объясняются некоторые неточности рассказа. Так, прежде всего Шлихтинг относит Новгородский поход к 1569 г., тогда как он начался только в декабре 1569 г., а к Новгороду царь подступил уже 2 января 1570 г. (ст. ст.). Далее, вопреки нашей летописи, Шлихтинг представляет дело так, будто из слободы царь прямо двинулся на Новгород, а потом уже опустошил Тверь и Торжок. Но участники похода, Таубе и Крузе и Штаден, воспроизводят летописный порядок.

Рассказ о походе Грозного на Псков передан у Шлихтинга очень кратко. Так, у него нет ни малейшего упоминания про того юродивого, который удержал царя от разгрома города, хотя про этого юродивого говорят все другие иностранцы, не только современники, как Таубе и Крузе и Штаден, но и более поздние, как Горсей и Флетчер. Интересно свидетельство Шлихтинга, что во Пскове всю ярость и жестокость царь обратил против монахов. Между тем Карамзин,[2] со слов наших летописей, говорит, что Грозный как раз не велел трогать иноков и священников. Можно думать, что прав скорее иностранец, так как в заговоре против царя духовенство принимало деятельное участие, за что и пострадало сильно в Новгороде; этого не отрицают и наши летописи. „Церковь, как феодальная сила, всегда была теснее связана с боярством, нежели с демократическими слоями".[3]

[1] Ср. вышеприведенное место из Карамзина (т. IX, прим. 299).

[2] Карамзин, т. IX, стр. 98.

[3] М. Н. Покровский. Русская история, I, 7 стр. 276.

В описании Новгородского погрома обращает на себя внимание рассказ о массовом уничтожении товаров, накоплявшихся в течение 20 лет. В этом нельзя не видеть стремления уронить торговое значение этого города, соперничавшего с Москвой.

В итоге открытия этой новой измены и были страшные казни, произведенные 25 июля 1570 г. и описанные, судя по всему, Шлихтингом, как очевидцем.

Наконец, „Сказание" Шлихтинга поднимает значение, как исторического источника, 5-й главы сочинения Гваньини „Описание всех стран Московии" (Alexandri Guagnini Veronensis omnium regionum Moscoviae descriptio). Давно уже было известно,[1] что для первой (географической) части своего труда он нашел удобный источник в Герберштейне, известия которого изложил в ином порядке и с некоторыми незначительными дополнениями. Но откуда он взял сведения для второй, значительно более важной части своего труда, оставалось неизвестным. Между тем сведения эти неоднократно цитовались нашими историками, начиная с Карамзина, и с точки зрения своей исторической достоверности, так сказать, висели в воздухе. Чересчур мрачные краски повествования вызывали естественное недоверие к нему, тем более, что это недоверие подкреплялось показанием современника. Именно, в одном, правда очень мало известном, рассказе о России того времени, составленном итальянским купцом Тедальди, имеется прямая полемика с Гваньини: „О тех фактах, что написал против Московита и поныне еще живущий веронец Гваньини, он, Тедальди, во время пребывания своего в Московии ничего не видал и не слышал, что им своевременно и было поставлено на вид названному писателю".[2] Теперь, при наличии полного текста Шлихтинга, можно с достоверностью утверждать, что Гваньини имел в виду главным образом его рассказ, который, как упомянуто было раньше, произвел такой эффект при своем появлении. Эта зависимость особенно видна из того, что Гваньини сохранил общий характер повествования Шлихтинга, распадающегося на ряд отдельных, почти не связанных друг с другом эпизодов, для которых уже немецкий писатель давал иногда частичные

[1] Ключевский. Сказания иностранцев о московском государстве. П., 1918, стр. 22.

[2] Е. Ф. Шмурло. Известия Джиованни Тедальди о России времени Иоанна Грозного. Журн. мин. нар. пр., 1891, № 5, стр. 132.

заглавия, а итальянец снабдил ими каждый отрывок, но разместил эти рассказы совершенно в ином порядке. На это заимствование Гваньини у Шлихтинга первый обратил внимание Е. Ф. Шмурло,[1] который и произвел сличение обоих повествований.

Внимательнее вглядываясь в оба повествования, нельзя не заметить, что Гваньини подвергает рассказ Шлихтинга частичным изменениям, дополнениям и исправлениям. Эти главнейшие расхождения оговорены в примечаниях. Если Гваньини, как сказано выше, для первой части своего труда усиленно пользовался Герберштейном и подвергал его рассказ перестановкам и частичным дополнениям, то причина такого отношения к своему источнику вполне понятна: Гваньини хотел скрыть свою зависимость от Герберштейна. Но возникает вопрос, почему итальянец в такой мере изменял порядок Шлихтинга, записка которого не была напечатана. „Сказание" Шлихтинга даже и для того времени представлялось чересчур эффектным и потому мало вероятным. Поэтому Гваньини, состоявший, как известно, на польской военной службе, мог подвергнуть показания немца проверке, дополнениям и исправлениям и в порядке этой проверки заносил их в свой рассказ. Этим могут быть объяснены и пропуски и умолчания, сравнительно со Шлихтингом, о которых частично упоминает Шмурло, именно итальянец не вносил в свой рассказ всего того, подтверждения чему он не нашел в других источниках. В силу этого же Гваньини мог спокойно отнестись и к приведенному выше обвинению Тедальди.

В общем „Сказание" Шлихтинга дает сравнительно мало новых фактов, но освещает их по-своему, что дает нам повод пересмотреть ряд положений, как занесенных на страницы летописей и других источников, так и выдвинутых нашей исторической наукой, обслуживавшей классовые интересы общества и неспособной понять насыщенного событиями времени Грозного.

Остается сказать несколько слов о характере издания памятника. Немногие отрывки, изданные Е. Ф. Шмурло, отмечены звездочками, в начале и в конце. Также в переводе прежде всего имелась в виду возможная близость к оригиналу. Немно-

[1] Е. Ф. Шмурло. Россия и Италия, о. с., стр. 253—255.

гие слова, которые пришлось добавить, сверх оригинала, для связи речи заключены в круглые скобки. Оригинал написан довольно правильной латынью, но беден с точки зрения разнообразия языка. Особенно заметно это в неоднократном повторении одних и тех же слов, преимущественно глагола iubere (приказывать). Все эти повторения сохранены и в переводе. С другой стороны, в оригинале замечается много плеоназмов, которые также по возможности воспроизведены в русской передаче. Искаженные собственные имена переведены правильно.

В заключение приятным долгом считаю выразить искреннюю благодарность Редакционно-издательскому совету Академии Наук, в частности академикам В. П. Волгину и А. С. Орлову за лестное для меня принятие настоящей работы в серию академических изданий, а также ученому секретарю Историко-археографического института, проф. Б. Д. Грекову, за предоставление рукописи Шлихтинга для перевода.

В приложении помещен исполненный библиотекарем Академии наук Г. Г. Гельдом перевод немецкой записки Шлихтинга, напечатанной в неоднократно цитованном выше издании Scriptores rerum Polonicarum, т. I, стр. 145—147. Сразу же при первом чтении ее видно, что она составлена Шлихтингом раньше латинского „Сказания“, на которое, как на еще не написанное, он ссылается дважды: при упоминании о смерти И. П. Челяднина-Федорова и в самом конце записки. Боярский заговор изложен здесь гораздо более четко, чем в „Сказании“. Дата составления записки видна из конца ее, где говорится „совсем еще недавно в июле“ (1570 г.).

А. Малеин.

КРАТКОЕ СКАЗАНИЕ О ХАРАКТЕРЕ И ЖЕСТОКОМ ПРАВЛЕНИИ МОСКОВСКОГО ТИРАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

Никто не мог знать ранее, каким характером и умственными способностями обладал Московский князь Васильевич, какой у него был произвол власти и какая жестокость по отношению к подданным. Посещавшие иногда Московию иностранцы были заняты исключительно торговыми делами и не видали самого князя, а если когда и видали, то не дерзали ничего расследовать и разузнавать из-за страха пред тираном, который обычно терзал удивительными и неслыханными муками иностранцев, обвиненных даже по самому легкому подозрению. Деяния его стали известными только с тех пор, как он взял Полоцк. С этого времени, при непрерывном продолжении войн, приобрели огласку, отчасти от бежавших пленников, отчасти от московитов, не имевших никакой возможности переносить власть тирана и перешедших на сторону короля, жестокость князя и его тирания, превосходившая Неронову и сокрытая раньше в силу человеческого неведения. Таким именно образом человек военный и честный, Альберт Шлихтинг, померанский уроженец, взятый в плен московитами у крепости Озерище и задержанный там при московском дворе, на семь лет, отметил несколько деяний этого тирана с тою целью, чтобы он стал известным всему миру, как тиран, не столько по имени, но и по своим поступкам, превышающим всякую меру злодейства и жестокости. Узнать это Альберту было не трудно, так как его, в силу образованности || и знания немецкого и русского л. 11
языков, выпросил себе в качестве слуги и переводчика итальянский врач, бывший на службе у тирана. После семилетней службы у врача Альберт увидел, что и его жизни грозит опасность, и с согласия своего господина убежал в Польшу, где, улучив немного свободного времени, сделал следующую краткую запись о характере и владычестве тирана.

После взятия Полоцка, как это обычно бывает в счастливую пору, тиран обнаглел от удач судьбы и начал замышлять, как ему уничтожить своих приближенных, а особенно тех из них, кто отличался знатностью и древностью рода. Он считал таких лиц себе врагами за то, что они часто советовали ему править, как подобает справедливому государю, не жаждать в такой степени христианской крови, воздерживаться от несправедливых и недозволенных войн, а довольствуясь своими владениями, жить жизнью достойною христианского государя; если же он хотел быть благородным и великодушным и стремился к войне, то должен был обратить свои замыслы и оружие против врагов креста христова, татар и турок, которые, как он видел, часто опустошали соседнюю с ними Московию. Считая эти ненавистные советы за противные своим намерениям и подозрительные, он, обезумев от дерзости и задыхаясь от давно уже задуманного злодеяния, пользуется следующими уловками и коварствами при гибели великих и знаменитых древностью рода мужей, чтобы проявлять по своему произволу свое тиранство.

Был некто Димитрий Овчина, граф или, как они обычно называют, князь, пользовавшийся огромным влиянием в Московии; отец его был взят в плен под Стародубом и до последнего дня жизни находился под стражей в Литве во время той войны, когда польский король Сигизмунд произвел большое кровопролитие среди московитов и захватил Стародуб и многие другие города, а князя Овчину, начальствовавшего в ту войну над войсками московского владыки, увел пленником в Литву. Так вот этого Димитрия Овчину тиран пригласил на пир и за обедом усердно просил выпить за один глоток и дух кубок меда, сваренного согласно с нравами и обычаями страны, и этой чашей показать, как дороги для него здоровье и благополучие государя; влив эту сладкую и приятную чашу в свои внутренности,
л. 12 он может скорее всего || засвидельствовать, что готов без колебания пролить за это свою кровь. Наполненный медом этот кубок доходил своими размерами приблизительно до шестнадцати кварт. Хотя Димитрий видел, что это дело неосуществимое, однако охотно принимает обязательство выпить. Он рассчитывал так: если он случайно не выпьет кубка до конца (а он наверное знал, что это будет так), то государь не будет негодовать, а скорее похвалит его готовность и быстроту

в повиновении. Итак, надув щеки и расширив горло, он пьет с такою жадностью, что переполненные внутренности изрыгнули мед обратно, и все же при этом он проглотил едва только половину чаши. Тиран, питая жестокий гнев в душе, все же не проявил немедленно своей ярости, но, на подобие ласкающейся собаки, слегка упрекнул князя за нерасположение к себе, говоря, что во всяком случае он знает, как ему надлежит обходиться с не очень то расположенным рабом. И так как Овчина не мог тогда пить, то тиран предложил ему пойти к винным погребам, где хранятся принадлежащие тирану напитки и там выпить за его здоровье и благополучие что ему угодно и сколько хочет и какого рода напиток ему понравится. Овчина исполняет поручение тирана не без охоты, полагая, что тот сказал это чистосердечно. К тому же, когда он хорошо выпил, его легко было убедить. Итак Овчина входит в винные погреба с теми, кто по приказу тирана собирался угостить его таким роскошным пиршеством, а там ожидали его псари, подготовленные и наученные тираном, чтобы, как только войдет князь Овчина, задушить его. Это и было исполнено, так как те отнюдь не отказывались от приказов тирана. Так погиб Овчина.

Причиной же его тайной гибели было то, что среди ссор и брани с Федором, сыном Басмана, Овчина попрекнул его нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном. Именно, тиран злоупотреблял любовью этого Федора, а он обычно подводил всех под гнев тирана. Это и было причиною того, что, когда князь Овчина выругал его за это, перечислив в лицо ему заслуги свои и предков пред государями и отечеством, Федор, распалясь гневом, с плачем пошел к тирану и обвинил Овчину. С этого уже времени тиран и начал помышлять о гибели Овчины. Совершив его убийство тем способом, о котором || было сказано, тиран на следующий день л. 12 об
послал к нему на дом слугу с приказом явиться во дворец, притворяясь, что совершенно ничего о нем не знает. Жена Овчины ответила, что со вчерашнего дня не видела мужа, который отправился во дворец великого князя и еще не возвращался. Так этим способом он умертвил Овчину и бесчисленное количество других, крови которых когда-либо жаждал.

Пораженные жестокостью этого поступка, некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нуж-

ным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов: пусть он побоится справедливой кары бога, который обычно наказует за невинную кровь даже в третьем поколении. Несколько пораженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом пред верховным священнослужителем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии. Между тем среди этого нового образа жизни он помышлял, как устроить Опричнину, т. е. проворных или воинов, стражей своего тела, или скорее покровителей своей тирании, как бы убийц, чтобы под защитой их охраны явиться на всеобщее избиение. Он притворился, будто тяготится своим владычеством, хочет сложить государеву власть, жить в отдалении и уединении, вести жизнь святую и монашескую. Поэтому, позвав к себе знатнейших вельмож, он излагает им, что замыслил сделать, показав им двух сыновей и назвал их правителями державы. „Душой моей", сказал он, „овладело пресыщение властью, мне угодно повелевать только себе самому, отвлечь себя от забот и соблазнов мира сего и бежать от случаев к греху. У вас есть мои сыновья и по способностям и по возрасту пригодные к власти, их возьмите за вождей, за владык и повелителей. Если я когда-нибудь сделал что-либо выдающееся, что-либо достойное похвалы, то пусть все это распространится на пользу им, кого я делаю, ставлю вам в наследники своих доблестей и власти. Пусть они живут с вами, пусть властвуют, пусть судят, пусть ведут войны. Если будет грозить
л. 13 вам какое-либо трудное и тяжкое для сил и плеч ваших || дело, то вы будете иметь меня в нем советником, недалеко от вас живущим". Сказав это таким образом и упорядочив дела, он снес затем несколько тысяч строений и назначает место для дворца в отдалении возле реки Неглинной, омывающей Китай-город и впадающей также в знаменитую реку Москву, от которой называется обширный город Москва; она дала это имя Московитам, так как иначе они называются Руссами или Рутенами. Так вот в этом месте он выстраивает обширный дворец и окружает его высокой стеною, что бы жить там пустынником. По соседству с этим дворцом он соединил особый лагерь,

начал собирать Опричнину, т. е. убийц, и связал их с собой самыми тесными узами повиновения.

Когда наш король прикажет позвать к себе кого-нибудь, то достойно удивления отметить, как у этого человека ликует сердце, восхищен дух, каким счастливцем считает себя тот, с кем хочет встретиться государь, и потому такое лицо уходит полное надежды получить милость в лицезрении государя. Но как солнце отличается от луны, так добродетель и милость нашего короля от тирании князя Московии. Если он прикажет притти к себе какому-либо знатному сенатору или воину, тот, собираясь пойти к тирану, прощается с женой, детьми, друзьями, как бы не рассчитывая их никогда видеть. Он питает уверенность, что ему придется погибнуть или от палок, или от секиры, хотя бы он и сознавал, что за ним нет никакой вины. Именно, Московитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга перед тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой. А тирану все это любо, и он никого не слушает охотнее, как доносчиков и клеветников, не заботясь, лживы они, или правдивы, лишь бы только иметь удобный случай для погибели людей, хотя бы многим || и в голову не приходило о взведенных л. 13 об.
на них обвинениях. При дворе тирана не безопасно заговорить с кем-нибудь. Скажет ли кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеется или поморщится, станет веселым или печальным, сейчас же возникает обвинение, что ты за одно с его врагами или замышляешь против него что-либо преступное. Но оправдать своего поступка никто не может: тиран немедленно зовет убийц, своих Опричников, что бы они взяли такого-то и вслед затем на глазах у владыки либо рассекли на куски, либо отрубили голову, либо утопили, либо бросили на растерзание собакам или медведям.

Выстроив таким образом дворец, он начал там жить с многочисленной стаей своих Опричников или убийц, которую набрал из подонков разбойников. Именно, если он примечал где-нибудь человека особо дерзкого и преступного, то скоро привлекал его к сообществу и делал слугою своего тиранства и жестокости. Как только он почувствовал свою достаточную крепость от такой охраны, он снова стал подумывать о том, что прекратил якобы под предлогом религии по совету некото-

рых лиц и по внушению священнослужителя, а именно об истреблении знаменитых мужей и особенно славных древностью своего рода. Ко всем воеводам, которые были у него в лагере, он посылает конных Опричников или убийц, чтобы они под предлогом дружбы оставались и жили с воеводами, улучая время, когда увидят их в сопровождении меньшего числа рабов или в храме, или дома, или где только найдут удобным, чтобы захватить их там, затем убить и рассечь на куски. После убийства такого человека, если у него есть родственники, друзья и близкие, то, живут ли они во дворце или нет, тиран приказывает всех их умертвить, поручая убийцам произвести на них натиск въявь, по дороге, в то время, когда они направляются
л. 14 во дворец, напасть и зарезать. Затем он разыскивает || виновников убийства, как-будто ему ничего не известно, но обычно никого не открывает и не наказывает. Через убийство такого рода он уничтожил очень многих из знатных семейств и уничтожает и поныне, совершенно забыв о добродетели и человечности.

Приблизительно таким же образом он повелел умертвить князя Ростовского, который жил в Нижнем-Новгороде. Так как этот князь обычно обращался с пленными слишком милостиво и не слыл в отношении их свирепым и жестоким, то в силу этого он был заподозрен в желании якобы перебежать к королю польскому и воевода полоцкий обещал ему озаботиться о доставке его невредимым. К этому князю тиран послал 30 воинов из Опричнины с поручением отрубить ему голову и доставить к себе, что и было исполнено. Именно, когда Ростовский вошел в храм помолиться, вскоре в храм вбегают убийцы и говорят ему: „Князь Ростовский, ты пленник велением великого князя". Несчастный, бросив палку, которой он пользовался в качестве отличительного признака занимаемой им должности, этим как бы сложил с себя должность. Именно, существует такой обычай, что те, кто находятся в должности, обычно носят палку, которую дает государь в знак власти и управления. Захватив таким образом несчастного, они вслед затем сняли с него платье, которое он носил, так что он остался голым; также и его рабов, в количестве более сорока, захва́ченных таким же образом, они бросили в тюрьму, и Ростовского, связанного, положенного на повозку и одетого в грязное платье, увезли с собою. Отъехав от Новгорода на расстояние приблизительно

трех миль, подводчики остановились и начинают топорами разбивать лед на реке, чтобы образовать прорубь. Ростовский, как бы пробудившись ото сна, а он был привязан к повозке и на его теле сверху сидели двое, спрашивает, что они хотят делать. Те отвечают, что собираются напоить коней. „Не коням", сказал Ростовский, „готовится эта вода, а голове моей". л. 14 об.
И он не обманулся в этой догадке. Именно, один из убийц, слезши с коня, отрубил ему вслед затем голову, а обезображенное тело его велел бросить в реку, голову же взял с собою и отнес ее к самому тирану. Увидев ее, тиран как бы погрозил ей и, коснувшись пальцем, произнес следующие слова: „О, голова, голова, достаточно и с избытком пролила ты крови, пока была жива; это же сделаешь ты и теперь, раз имеешь крючковатый нос!" Затем, наступив на голову и оттолкнув ее ногою, он велел бросить ее в реку. Вслед за тем он умертвил весь род Ростовского, более 50 человек. Везде, где только он мог выловить или свойственника или родственника его, он тотчас после самого тщательного розыска приказывал убить их. Из семейства Ростовских было приблизительно шестьдесят человек, которых всех он уничтожил до полного истребления.

При возвращении своем в Москву, в то время, когда польский король, разбив лагерь у Радошковиц, желал преследовать его с войском, тиран счел подозрительными для себя некоторых из воинов, и среди других князя Иоанна Петровича, воеводу Московского, которого признавал более благоразумным среди других и высших правителем всех и которого обычно даже оставлял вместо себя в городе Москве, всякий раз как ему приходилось отлучаться из-за военных действий. Так вот у этого Иоанна он отнял все, что у того было, огромное количество золота, серебра, жемчуга, платья, всей посуды и домашней утвари, и поступил так не один раз, а четыре, так что из богатого и состоятельного сделал его крайне бедным. Совершив это, тиран приказал ему отправиться на войну против татар, хотя у того не было во что одеться и на чем ехать. Иоанн, как нищий, выпросил у одного монаха коня и отправился на войну. По возвращении тиран требует его к себе, куда созваны были также почти все, бывшие у него тогда воины. Иоанн понял, что ему надо итти на казнь, и потому приветствовал жену, л. 15
детей и всех друзей, и после продолжительного прощания с ними, как бы не рассчитывая никогда их увидеть, поспешил

к тирану. Когда он прибыл во дворец и тиран его увидел, то тотчас приказал дать ему одеяния, которые носил сам, и облечь его в них, дал ему в руки скипетр, который обычно носят государи, препоручил ему взойти на царственный трон и занять место там, где обычно сидел сам великий князь. Как только Иоанн исполнил это с тщетными оправданиями (нельзя ведь оправдываться перед тираном) и воссел на царственном троне в княжеском одеянии, тотчас сам тиран поднялся, стал перед ним и, обнажив голову, оказал ему почет, преклонив колена, и сказал ему так: „Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место; вот ты ныне великий князь, радуйся теперь и наслаждайся владычеством, которого жаждал". Затем после короткого промежутка он снова начинает так: „Впрочем", сказал он, „как в моей власти лежит поместить тебя на этом троне, так в той же самой власти лежит и снять тебя". И, схватив нож, он тотчас несколько раз бросал его ему в грудь и заставлял всех воинов, которые тогда были, пронзать его ножами, так что грудные кости и прочие внутренности выпали из него на глазах тирана. Непосредственно затем Иоанна протащили за ноги по всему Кремлю к городу, и он брошен был на середине площади, являя жестокое зрелище для всех. Вслед затем тиран приказал бросить в реку главных слуг его, а потом и всех остальных.

В крепости Коломна, которую несколько ранее тиран дал воеводе Иоанну, было много чужеземных граждан; всех их, а их было более трехсот, тиран приказал утопить в реке, считая их участниками замысла воеводы Иоанна, между тем как
л. 15. об. тот не повинен был даже в дурном подозрении, || а явил себя и верным гражданином отечеству, и слугою тирану.

Умертвив таким образом воеводу Иоанна, его семейство и всех граждан, тиран, сев на коня, почти год объезжал с толпой убийц его поместья, деревни и крепости, производя повсюду истребление, опустошение и убийства. Захватив в плен некоторых воинов и данников (а этот воевода Иоанн был очень богатый человек), тиран велел обнажить их, запереть в клетку или маленький домик и, насыпав туда серы и пороху, зажечь, так что трупы несчастных, поднятые силой пороха, казались летающими в воздухе. Тиран очень забавлялся этим обстоятельством и воображал, что таким убийством людей он устроил себе подобие трофея и триумфа. Весь крупный и мелкий скот

и лошадей, собранных в одном месте, тиран приказал рассечь на куски, а некоторых и пронзить стрелами, так что он не пожелал оставить живым в каком-либо месте даже и маленького зверька. Поместья и кучи хлеба он зажигал и обращал в пепел. Он приказывал убийцам насиловать у него на глазах жен и детей тех, кого он убивал, и обращаться с ними по своему произволу, а затем умерщвлять. Что же касается жен поселян, то он приказал обнажать их и угонять в леса, как скот, причем тайно были расположены засады из убийц, чтобы мучить, убивать и рассекать этих женщин, бродивших и бегавших по лесам. Такого рода жестокость проявил тиран при опустошении деревень и поместий Иоанна, воеводы Московского, а жену его приказал постричь и удалить в монастырь, где она и умерла. Таким образом уничтожил он род и все семейство столь великого мужа, не оставляя в живых совершенно ни одного его свойственника или родственника. По этой причине он держит в своей милости князя Бельского и графа Мстиславского, || хотя л. 16
в один и тот же день отравил его брата и жену. И если кто обвиняет пред тираном этих двух лиц, Бельского и Мстиславского, или намеревается клеветать на них, то тиран тотчас велит такому человеку замолчать и не произносить против них ни одного слова, говоря так: „Я и эти двое составляем три Московские столпа. На нас троих стоит вся держава“. Таким образом умерщвляет он многих других первенствующих мужей и воинов и опустошает их имения.

Не следует, кажется, пропускать и того, что сделал тиран с казначеем своим Хозяином Дубровским. Именно, он приказал своему зятю графу Михаилу Темрюковичу сделать нападение на его дом и похитить его, сам сём, с женою и детьми, что тот и исполнил и отвел его после похищения на площадь. И тиран приказал отрубить ему голову, с женою, тремя сыновьями и дочерью в возрасте пятнадцати лет, а имущество его отдал в добычу своему зятю. Но при этом нападении на дом случайно ускользнула дочь и спряталась в укромном месте, но после самых тщательных поисков ее привели вместе с родителями и братьями и поразили секирой. Кроме того, одновременно тиран убил брата этого казначея.

Надо еще написать о том, как сильно любит тиран своего зятя Михаила Темрюковича. Тиран не пропускает никакого случая оказать ему свое расположение, понятно, в течение тех

двадцати или тридцати дней, когда он не свирепствует. Но как только душа его воспламенится чем-либо возбуждающим жестокость и вспыльчивость, он приказывает привязать к каждым воротам (его дома) пару или две диких медведей, в силу чего несчастный не может выйти не только сам, но и никто вообще, и при этом по необходимости ест и пьет, что есть у него дома, так как достать из другого места трудно: от страха пред медведями никто не смеет ни входить в этот дом, ни выходить из
л. 16 об. него. Также коль скоро || тиран заметит, что у того есть деньги, то велит привести его на то место, где должников бьют палкою за неуплаченные долги, и наравне с ними подвергнуть палочным ударам, пока тот не отдаст, что у него есть. А если ему дать нечего, тиран велит отсчитать ему несколько золотых, которые впоследствии отбирает, когда захочет. Если же он хочет воздержаться от избиения зятя, то велит схватить более именитого его раба и подвергнуть его палочным ударам столько времени, пока зять из чувства сожаления не заплатит этого и не отдаст то, что велит тиран. Он хвастает, что проявил большую милость в том, что избивая, раба, щадит зятя.

Раз вышло так, что кучер великого князя Московского, везя воду, встретился с кучером зятя тирана, Михаила Темрюковича. Случайно между ними возникла ссора, и кучер Михаила побил кучера великого князя Московского. Этот второй кучер в негодовании на обиду пошел к главному начальнику двора и обвинил своего противника. Дело дошло до того, что заведующий двором доложил об этом происшествии самому князю Московскому. Выслушав это, тот тотчас посылает убийц из Опричнины на двор зятя и поручает им повесить на воротах двора трех главных служителей его, что и было исполнено, и зять, выходя ежедневно из дому, принужден был, так сказать, нагибаться под виселицей своих служителей, а висели они на том месте приблизительно четырнадцать дней.

Примерно в том же году, вернувшись из Великих Лук, тиран приказал своим убийцам из Опричнины рассечь на куски канцлера Казарина Дубровского. Те, вторгшись в его дом, рассекли его, сидевшего совершенно безбоязненно с двумя сыновьями, как самого, так и сыновей, а куски трупов бросили в находив-
л. 17 шийся при доме колодец. Причиной же || столь свирепого и жестокого убийства было не что иное, как обвинение Казарина обозниками и подводчиками в том, что он обычно брал подарки

и равным образом устраивал так, что перевозка пушек выпадала на долю возчиков самого великого князя, а не воинов или графов.

У этого канцлера оставался единственный сын, который рано утром того дня, когда в четвертом часу ночи был убит отец, отправился на свадьбу с намерением жениться. Узнав про убийство отца и братьев, он не посмел вернуться домой, но, как бродячая овца, скитался повсюду почти в течение одного года. Тирану рассказали, что до сих пор еще остается в живых один сын канцлера и скитается по стране. Услышав это известие, он распалился гневом и приказал искать его повсюду, а когда его нашли и привели, препоручил растерзать его петлями на четыре части. Именно, каждая рука и нога была привязана веревкою и затем растащена силою, а всякую веревку тащат пятнадцать палачей, так что, будь тело даже железным, его легко можно растерзать. О, жестокость более чем варварская! Но у тирана в обычае самому собственными глазами смотреть на тех, кого терзают пытками и подвергают казни. При этом случается, что кровь нередко брызжет ему в лицо, но он все же не волнуется, а наоборот радуется и громко кричит, изображая человека, ликующего и радующегося: „Гойда, гойда". И все подонки убийц и солдат, подражая ему, также кричат: „Гойда, гойда". Но если тиран замечает, что кто-нибудь молчит, то, считая его соучастником, он прежде спрашивает, почему тот печален, а не весел, а затем велит разрубить его на куски.

Но привычка к человекоубийствам является у него повседневной. Именно, как только рассветает, на всех кварталах || л. 17 об.
и улицах города появляются прислужники Опричнины или убийцы и всех, кого они поймают из тех, кого тиран приказал им убить, тотчас рассекают на куски, так что почти на каждой улице можно видеть трех, четырех, а иногда даже больше рассеченных людей, и город весьма обильно наполнен трупами. А стоит тирану заметить, что народ взволнован столь сильной жестокостью, он переселяется в другое место, чтобы своим отсутствием успокоить скорбь людей. Обычно он часто уезжает из города Москвы в Александровский дворец, в каковом месте он обычно применяет другой способ губить людей, именно тех, кого он решил убить. Он приглашал их к себе под предлогом расположения: в результате каждый день двадцать, тридцать, а иногда и сорок

человек он велит отчасти рассечь на куски, отчасти утопить, отчасти растерзать петлями, так что от чрезмерной трупной вони во дворец иногда с трудом можно проехать.

Старший сын его не непохож на отца по своим добродетелям. Именно, когда он проходит мимо трупов убитых или снятых с шеи голов, то являет дух, жаждущий еще большей кары, скрежещет зубами, на подобие собаки, ругается над трупами, поносит их, а также протыкает и бьет палкой всех их, укоряя убитых за неверность в отношении к его отцу, великому князю Московскому. А коль скоро насытит он глаза жестокостью, то в конце-концов возвращается к отцу. Всякий раз как тиран приглашает кого-нибудь явиться к нему в Александровский дворец, тот идет как на страшный суд, откуда ведь никто не возвращается. А если кому выпадет такое счастье выбраться оттуда живым, то тиран посылает Опричников устроить засаду по пути, ограбить возвращающихся и отпустить их домой голыми. Так поступил он с Федором Умным, которого отправил послом к Польскому королю. По прошествии нескольких дней тиран
л. 18 велит Умному явиться к нему в убранстве || и наряде, как будто приглашенному на торжество и на пир. Тот является прикрашенным и изящным в сопровождении 40 друзей и челядинцев, нарядившись так, чтобы угодить желанию государя и снискать у него милость. Во время пути, однако, он, печальный, „ликом притворно надежду являет, в сердце глубоко скорбь сокрывает“,[1] так как не надеялся вернуться оттуда живым. Когда он явился в Александровский дворец с другими товарищами своего посольства, которых привел с собой, то тиран принял его благосклонно и обошелся ласково. После роскошного приема тиран напоил его до опьянения, одарил мехами и платьями огромной ценности и отпустил весьма милостиво, поручив ему вместе с остальными воинами заботу о городе Москве. Но, прежде чем велеть ему удалиться, он тайно послал вперед убийц из Опричнины с тем, чтобы перехватить его на дороге, отнять у него все имущество и пустить домой голым, что и было сделано. Именно, произведя нападение, те отняли у них и имущество и лошадей и оставили всех нагими, так что от холода (тогда была зима) некоторые потеряли ноги, другие — руки, а третьи — даже жизнь. Сам Умный, заполучив довольно грязный плащ, проделал пешим

[1] Вергилий, Энеида, I, ст. 213.

путь вплоть до города Москвы. А город Москва отстоит от Александровского дворца на тридцать шесть немецких миль. Что же касается добычи, то похитители доставили ее тирану, и он велел положить ее в казну.

По отношению к религиозности тирана и его богопочитанию надлежит заметить следующее. Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья Базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из Опричнины, которые исполняют обязанность караульных стражей. И так великий князь каждый день встает к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, || держа л. 18 об.
в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их он называет братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи, он удаляется в келью, или уединенную комнату. Равным образом и каждый из остальных уходит в свою, взяв с собою блюдо, ножик и фонарь; не уносить всего этого считается грехом. Как только он проделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек.

Но пора нам описать, с какими муками и с какой жестокостью свирепствовал он против Новгородской и Псковской области. Все еще страдая жаждой человеческой крови, он особенно сурово заказал, под угрозой кары секирой и палками, чтобы из города Москвы никто не смел отправляться по проезжей дороге, которая ведет в Новгород, ни мужчина, ни женщина, напоследок даже ни собака или какая-нибудь скотина. Отправляясь же из Александровского дворца в Новгород, он посылал вперед

шестьсот всадников и столько же оставлял на ходу сзади себя; равным образом он рассылал также людей вокруг, с правого и с левого боку, чтобы никто не прошел в Новгород. Если упомянутые всадники натыкались на кого-либо, будь то даже раб или челядинец тирана, или также сам он на пути заставал кого-нибудь, то всех убивал, чтобы молва об его прибытии не опередила и он мог тем легче застичь новгородцев, не ожидавших его и нисколько не думавших о нем. Также поступали те, кто занимал правое и левое крыло; поэтому даже и собака не могла быть предвестницей его приближения. А всех встречных он при-
л. 19 казывал убивать, || так как мало доверял и своим, про которых знал, что они хорошо расположены к польскому королю. И если бы польский король не вернулся из Радошковиц и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено, потому что все его подданные были в сильной степени преданы польскому королю. Но это выступление тирана было до такой степени таинственным, что ни в городе Москве, ни в Новгороде, ни в другом месте не знали, где именно находится и что делает князь Московский; еще менее знал об этом его передовой Василий Хузин, который с 300 всадников предшествовал отряду, приготовляя место для остановки. Он ежедневно поутру получал из рук самого тирана записку с указанием места, где тот должен был переночевать, под угрозой никуда не удаляться и никому не показывать и не говорить. Этот поход продолжался почти семь недель, так что никто не мог знать, жив ли тиран или где-нибудь задержан пленником. И новгородцы не узнали об этом раньше, чем он находился на расстоянии мили от города; тогда то они стали кричать, что для них наступает страшный суд. При всякой остановке, или в городе, или в поместье, он обычно выходил и избивал всех людей и скот, сожигал поместья и избы. Так же поступали и все остальные, которыми, как я сказал, он был окружен сзади и спереди и с того и другого бока.

Вступив в Новгородскую область, он посылал из лагеря вперед тысячу и более всадников с приказанием перебить всех воинов этой области, а других он точно так же отправлял в город с поручением грабить. Сам он держался в лагере в миле от города, делая по временам набеги на город с целью избиения людей и терзания их удивительными муками, именно одних он рассекал, других прокалывал копьем, пронзал стрелами. Обыч-

ным родом казни у него был тогда следующий: он приказывал оградить частоколом обширное место, поручал привести туда огромную толпу знатных лиц и купцов, которых знал за выдающихся, садился на коня с копьем в руке и, пришпорив коня, | л. 19 об.
пронзал копьем отдельных лиц, а сын его смотрел на эту забаву и одинаково занимался тою же игрой. Когда конь уставал, тиран сам, „усталый, но не насыщенный“,[1] возвысив голос, кричал убийцам из опричнины, чтобы убивали без разбора всех и рассекали на куски. Те, унося оттуда куски, бросали их в реку. Был придуман и другой способ казни: множество людей получало приказ выйти на воду, скованную льдом, и тиран приказывал обрубать топорами весь лед кругом; и затем этот лед, придавленный тяжестью людей, опускал их всех в глубину. Тиран не пропускал ни одного рода жестокости при умерщвлении людей и в городе Новгороде он убил их, после предания удивительным терзаниям и мукам, 2770 из более знатных и богатых, не считая лиц низкопоставленных и беспредельного количества черни, которую он уничтожил всю до полного истребления. В Новгородской области было приблизительно сто семьдесят монастырей, все их он ограбил и опустошил, а всех монахов и священников перебил.

Когда же тиран Московии вступил в Новгород, епископ этого города пригласил его к обеду, от чего тот отнюдь не отговаривался. На это же пиршество было приглашено также большинство настоятелей из различных монастырей. Когда обед кончился и были уже убраны столы, тиран зовет к себе телохранителей и велит им разграбить и разгромить храм св. Софии, расположенный среди города. Кроме того, желая воздать епископу благодарность за его щедрость, он велит стащить с его головы тиару, которую тот носил, а вместе с тем снимает с него все епископское облачение и лишает его также сана, говоря: „Тебе не подобает быть епископом, а скорее скоморохом. Поэтому я хочу дать тебе в супружество жену“. Обратившись далее к другим монахам, он произнес следующие слова: „Прошу вас пожаловать ко мне в гости. Но я хочу, чтобы всякий отметил свое участие в устройстве этой свадьбы“. || И он заста- л. 20
вил каждого из них выплатить по размерам своих средств определенную сумму денег, именно всех архимандритов по 2000 зо-

[1] Ювенал, сат. VI, ст. 130.

лотых, настоятелей по 1000, а из остального количества монахов одни заплатили по 500, другие по 300 червонцев. Когда участие было таким образом отмечено и выполнено, тиран велит привести кобылу и обращается к епископу: „Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай и отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скоморохов". Далее, когда тот взобрался на кобылу, тиран велит привязать ноги сидевшего к спине скотины и, удалив его таким образом из города и прогнав с епископства, велит ему отправляться по назначенной дороге. И когда тот уже удалился, он опять велит позвать его к себе и дает ему взять в руки музыкальный инструмент, мехи (и) лиру со струнами. „Упражняйся в этом искусстве", сказал тиран, „тебе ведь не остается делать ничего другого, в особенности после того, как ты взял жену". И вот этот епископ, не умевший до того играть на лире, верхом на кобыле по приказу тирана удалился в Москву, бряцая на лире и надувая мехи. Что касается остальных монахов, то у одних из них тиран отнял все имущество, а других после жестоких мучений умертвил.

Свершив это, он удалился из Новгорода и разбил палатки в полумиле от города. Тем временем он велит схватить одного знатного и именитого человека, главного секретаря Новгородского, Федора Ширкова. Велев привести его к себе, он приказывает привязять его посредине (туловища) к краю очень длинной веревки, крепко опутать и бросить в реку, по имени Волхов, а другой конец веревки он велит схватить и держать телохранителям, чтобы тот, погрузившись на дно, неожиданно не задохся. И когда этот Федор уже проплавал некоторое время в воде, он велит опять вытащить несчастного и спрашивает, не видал ли он чего нибудь случайно в воде. Тогда тот ответил, что видел злых духов, которые живут в глубине вод реки Волхова и в озерах, по имени Владодоги (?) и Усладоги (?), и они вот-вот скоро будут здесь и возьмут душу из твоего тела. За подобный ответ || тиран велит вернуть его в лагерь, поставить ему ноги до колен в котел и поручает обварить их кипятком, желая выпытать у него муками, нет ли где у него спрятанных денег. Именно этот человек был богат до такой степени, что можно видеть 12 монастырей, выстроенных и основанных им на свой счет. И тиран выпытал у этого несчастного двенадцать тысяч серебряной монеты, которой только одной, а не другой, они пользуются.

л. 20 об.

После этих неслыханных истязаний, которые в свирепости своей тиран проявил к Федору, вымученную большую сумму денег и имущество он положил в свою казну, а тело этого мертвеца препоручил разрубить на части и разрубленное таким образом бросить в реку. Тот же конец имел и родной брат Федора, по имени Алексей. Вообще несчастные граждане новгородские получили такой урон и ущерб для своего имущества, что едва ли кто-либо из людей мог выплатить и восстановить им это по справедливой оценке. Этот город был зажиточен издревле, и купцы в нем были очень влиятельные и богатые; в их домах все помещения были загромождены и наполнены разнообразными товарами. Кроме того, там были огромные круги воска, запас сала и жира от разных животных, очень большие кучи шелка и дорогого платья. Все это хранилось собранное 20 лет тому назад. Впрочем, весь шелк он распределил своим телохранителям, а серебро и золото было положено в государеву казну. Остальные товары были уничтожены, так как дома горожан были спалены огнем. Таким образом этот старый город славян, местопребывание князей новгородских, можно видеть уничтоженным и сравненным с землей.

Все эти отменные поступки тиран совершил в 1569 г. до прибытия послов его королевского величества. Имена их следующие: Воевода Инноулодиславский г. Тальвос Каштелян Минский, г. Капитан Радзиковленский и г. Андрей секретарь его королевского величества. ||

л. 21

По разрушении города Новгорода тиран отправил 500 всадников в знаменитый торговый город Нарву, так как туда новгородцы ранее отвезли свои товары, и приказал через бирючей объявить повсюду, чтобы никто не смешивал своих товаров с новгородскими. Лишь только это было исполнено, он повелел все (товары) предать огню. Если кто был уличен в заключении тайного соглашения, то их также он приказывал рассечь живыми и рассеченных бросить в воду, а товары были равным образом сожжены.

Во время той тирании, которую он проявил к новгородским гражданам, он препоручил выгнать всех нищих за город и выгнанных заставил пребывать под открытым небом, в то время как все было бело от снега и замерзло от холода. Граждане также, желая избежать гибели, грозящей городу, в большинстве облеклись в одеяние нищих и дали себя выгнать

вместе с ними. Огромное большинство из них, изнуренное голодом и холодом, погибло, а многие украдкой отправлялись ночью в город, полный трупов, крали тела убитых и питались ими, похищенными тайно. Остальные тела, которые они не могли потребить, они хранили посоленными в бочках. Когда Московит узнал это, он осведомляется о причине, почему они хранят тела умерших впрок в бочках. Те отвечали, что сделали это вынужденные голодом. А он повелел всех схватить и потопить в воде.

После разрушения Новгорода он отправляется в город Псков. Несчастные граждане, желая отвратить его жестокую душу от намеченного плана своим гостеприимством и обходительностью, выносят, каждый пред своим домом, установленные и крытые скатертями столы, на которые кладут хлеб и соль. Отдельные лица, высыпав из города, кланяются ему и просят не побрезговать их убожеством, а лучше принять благосклонно хлеб и соль, которые они подносят, и препоручают ему все свое и себя самих, подтверждая его право распоряжаться их
л. 21 об. жизнью и имуществом. Тиран, побежденный || их унижением и покорностью, пощадил, правда, их жизнь, но разграбил все же их имущество, т. е. золото и серебро. Всю же ярость и жестокость он обратил против монахов, из которых одних он отчасти приказал рассечь на куски, отчасти задушить в воде, а храмы были опустошены, и все колокола уничтожены.

При дворе тирана был один знатный князь Афанасий Вяземский, который был ближайшим советником тирана. Этот Афанасий, будучи человеком большого влияния и очень любимым тираном, рекомендовал ему некоего Григория, по прозвищу Ловчик, и добился того, что тот вошел в милость к государю. Этот Ловчик, забыв о благодеяниях, ложно обвинил Афанасия пред тираном, якобы тот выдавал вверенные ему тайны и открыл принятое решение о разрушении Новгорода. Именно об этом разрушении тиран не поведал никому, кроме вышеупомянутого князя. Он пользовался у тирана таким влиянием и расположением, что даже когда тот собирался принимать лекарство, то брал его не от врача, итальянского уроженца, которого очень ценит, а в передаче из рук Афанасия. Все же тиран поверил ложному обвинению и приказал своим телохранителям убить путем засады всех рабов князя. Телохранители каждый день, в то время как Афанасий совещался с тираном, умерщвляли

несколько рабов и не прекращали исполнять приказание, пока не убили всех. Возвращаясь после совещаний, Афанасий, конечно, видит на дворе палат тела убитых, жалобно растерзанных на земле, но, скрыв свою скорбь, не смеет даже ни одним словом обнаружить проявление ее. Но тиран не насытился кровью его рабов, а нападением из засады убивает братьев князя и всю челядь и лишает всего имущества.

Афанасий, видя, что ему уже грозит гибель, стал удаляться с глаз тирана и провел пять дней, прячась у доктора, врача великого князя, по имени Арнольфа. Тиран || приказал позвать л. 22
князя к себе и сказал: „Ты видишь, что все твои враги составили заговор на твою погибель. Но если ты благоразумен, то беги в Москву“ и приказал князю Афанасию: „И жди там моего прихода“. Тот, мало доверяя тирану, пустился в путь в направлении к Москве и, опасаясь какой-либо засады, губил всех встречных. Спустя немного времени вернулся в Москву и тиран и приказал отвести князя Афанасия на место, где обычно бьют должников, и повелел бить его палками по целым дням подряд, вымогая от него ежедневно 1000 или 500 или 300 серебреников. И во время этого непрерывного избиения тело его начало вздуваться желваками. Не имея более чего дать алчному тирану, несчастный со страху начал клеветать на всех наиболее богатых граждан, вымышляя, что те ему должны определенные суммы денег. Несчастные граждане принуждаются платить недолжные долги. Но и тот несчастный до сих пор подвергается непрерывному избиению. Тиран забрал в свой дворец всех 40 девушек, которые были на женской половине супруги князя и каждая из которых обычно умела вышивать приготовленные из золота одежды. Такую награду после упомянутого величайшего расположения получил этот муж влиятельный на родине и в чужих землях, испытывая с каждым днем самое сильное отчуждение от себя государя.

ТОРЖОК И ТВЕРЬ

В этих городах он проявил то же самое тиранство, как и в Новгороде. Пленных поляков, которые после взятия Полоцка были уведены сюда, он рассек на куски приблизительно в количестве 500. Он приказал также вывести 19 пленных татар, которые, услышав, что произошло с поляками, спрятали у себя

в рукавах ножи. В то время как против них, поставленных подряд, обнажали мечи, каждый из татар по данному знаку схва-
л. 22 об. тывает нож и пронзает напавших телохранителей, || в особенности же вождя этого тиранства они пронзили так жестоко, что из него выпали внутренности. Он уже раненый, видя себя попавшим в великую опасность, велит сообщить тирану, что сделали татары. Тот, получив известие, немедленно посылает стрельцов с приказом прикончить татар ружейными пулями, а затем рассечь на куски. Так отмстили татары своим убийцам.

Когда Изборск был отобран от поляков, тиран приказал всех пленников, которые до этого содержались в тюрьмах, потопить в реке. Но князь Афанасий, о котором сказано выше, не советовал делать это, чтобы этот бесчеловечный поступок и такая сильная жестокость не распространились во всем мире. Тиран согласился с ним и отступился от своего намерения. Но немного спустя они все же были уничтожены. Тиран разослал своих телохранителей и по другим крепостям, а именно в Ярославль, Переяславль, Ростов, Кострому, Лазинк (?), чтобы побросать в воду всех пленных. Как только телохранители являются в эти замки, они выводят из тюрьмы пленных и прежде всего снимают с них оковы, говоря, что им надлежит всем итти только связанными и предстать пред трибуналом знатных лиц, которые хотят отпустить их на свободу в Польшу с целью обмена одних пленных на других. Те спрашивают, почему они уводят только одних мужчин, а оставляют в тюрьме женщин и детей. Телохранители отвечают, что жены также должны последовать непосредственно вместе с детьми. Когда мужчины были наконец уведены из глаз женщин, каждому из них завязывают руки за спину, затем сажают на повозки и привозят на лед, а там через отверстия во льду, прорубленные уже заранее, свергают их в воду. На третий день спустя приходит в тюрьму к женам и детям потопленных один московит и объясняет, как поступили с мужьями, а вместе советует приготовиться к смерти. Несчастные, видя неизбежность этого, просят и умоляют, чтобы им позволено было исповедать свои грехи пред священником. Телохранители предоставили им время для
л. 23 молитвы в течение двух часов. || После молитв каждая из них привязывает детей себе на плечи, и в таком виде они идут на казнь. Когда они сошли на лед, телохранители приказывают им самим броситься в воду, но те не желали сами причинять

себе смерть. Телохранители схватывают их без всякого промедления по две или по три вместе и сбрасывают в воду вместе с детьми, которые были у них привязаны. Народ по чувству сожаления сопровождал их участь плачем и слезами, но телохранители пригрозили им не поднимать воплей и воздержаться от слез, если хотят избежать подобной кары.

Тимофей Масальский при взятии Полоцка был взят в плен тираном московским и содержался под стражей, в то время как имущество Ивана Петровича подвергалось разграблению. Среди этих событий один из рабов Петровича, видя, что у его господина отнимают все, унес также лично для себя позолоченную кольчугу, которую прятал некоторое время и не смел никому продать. По прошествии времени он пришел в тюрьму, куда ввергнут был князь Тимофей, и передал упомянутую кольчугу на хранение одному московиту, узнику той же тюрьмы, по имени Михайлу Димову, и другому, как свидетелю этого залога, Козьме Козову. Эти два лица немного ранее были лазутчиками в Литве. Михаил закладывает эту самую кольчугу князю Тимофею за три серебреника. Тимофей, опасаясь, что кто-нибудь украдет кольчугу, передает ее отнести домой рабу, которого недавно выкупил из английского плена; этот раб часто посещал господина, когда тот сидел в тюрьме. Раб, получив кольчугу, собирался уже уходить, когда об этом деле узнал начальник тюрьмы. Он вернул раба, бросил в тюрьму, отнял кольчугу и удержал у себя. В тюрьме содержались также два московские стрельца, || которые, желая войти в милость л. 23 об.
у тирана, открывают дело некиим боярам, говоря, что начальник тюрьмы спрятал кольчугу Ивана Петровича, воровски утаенную и отнятую Тимофеем Масальским. Бояре же выпустили стрельцов из тюрьмы и посылают их скованными к тирану в Александровский дворец с прочими упомянутыми лицами. Тиран тотчас привлекает их к допросу по этому делу, желая знать, не спрятали ли они еще что-нибудь из имущества Ивана Петровича. Но когда те заявили, что у них более ничего нет, он велит их утопить с князем Тимофеем в субботу пред праздником Пасхи. А начальника тюрьмы, отосланного обратно в Москву, он зарубил топором, над стрельцами же сжалился и выпускает их из тюрьмы. Из-за одной кольчуги погибли 6 человек.

Димитрий Васильевич, который был начальником над воинскими орудиями, чинил обиды стрельцам, не выплачивая им

жалованья. Было также несколько польских стрельцов, уведенных из Полоцка, которых тиран приставил к своим орудиям. Они также из-за полученных обид убегают, во время бегства снова были схвачены и, привлеченные к допросу, объясняют причину бегства, что мол Василий отправил их в Литву. Узнав это тиран зовет его к себе и велит пытать. Тот, не стерпев пытки, сознается в совершенном проступке. Тиран тотчас велит посадить его на телегу, привязать его к ней и ехать на лошади, у которой предварительно выкололи глаза, и гнать слепую лошадь с привязанным Василием в пруд, куда он и свалился вместе с лошадью. Тиран, видя, что он плавает на поверхности вод, воскликнул: „Отправляйся же к польскому королю, к которому ты собирался отправиться, вот у тебя есть лошадь и телега".
л. 24 А тот, поплавав некоторое время, был поглощен водой. ||

Однажды дьяк тирана устраивает пиршество и зовет к обеду многих друзей и товарищей. Во время стола, опасаясь, не оставил ли он без исполнения какое-либо служебное поручение, он посылает слугу во дворец тирана узнать, что тот делает. Слуга прибегает в Кремль. А тиран в то время говорил наедине с Афанасием. Увидев слугу, тиран спрятался и велит спросить его, чего он хочет. Слуга отвечает, что послан своим господином узнать, что делает великий князь. Услышав это, тиран велит задержать слугу, а хозяина его со всеми гостями препоручает привести к себе. Когда они были приведены, он велит тащить их всех на допрос, спрашивая, зачем был послан слуга узнавать о нем, что послужило причиной к этому пиршеству, не вели ли они какого-либо разговора о нем, тиране. Он приказал пытать их с такою жестокостью, что большинство их от пыток испустило дыхание, а прочих он лишил всего имущества. С тех пор никто не смеет посылать узнавать, что делает тиран, но если кому это нужно, то приходит сам непосредственно.

Князя Горинского, который решил отправиться сюда с тем, чтобы просить ваше королевское величество о милости и покровительстве, тиран велит схватить уже на пути в пределах Литвы и посадить на кол. Служителей его, приблизительно в количестве 50, он также отправил на виселицу. Один из рабов ускользнул, его выдал за своего телохранитель тирана Петр Зайцев. Как только тиран узнал, что один служитель остается еще в живых, он велит и его схватить и повесить, вместе с двумя другими служителями Петра Зайцева. Они

были повешены пред дверьми дома их господина и висели несколько недель, так что всякий раз, как тот хотел войти в дом или выйти, ему приходилось проходить под телами покойников.

Служителей князя Сицкого, желая отомстить самому князю, на которого он гневался, тиран велел повесить в передней его дома. Они висели так долго, пока тиран не приказал их снять. || л. 24 об.

ТИРАНСТВО ЕГО НАД ЖЕНЩИНАМИ

У этого тирана есть много тайных доносчиков, которые доносят, если какая женщина худо говорит о великом князе тиране. Он тотчас велит всех хватать и приводить к себе даже из спальни мужей; приведенных, если понравится, он удерживает у себя, пока хочет; если же не понравится, то велит своим стрельцам насиловать ее у себя на глазах и таким образом изнасилованную вернуть мужу. Если же у него есть решение убить мужа этой женщины, то он тотчас велит утопить ее в реке. Так поступил он год тому назад с одним из своих секретарей. Именно, похитив его жену с ее служанкой, он держал ее долгое время. Затем обеих, изнасилованных, он велит повесить пред дверьми мужа, и они висели так долго, пока тиран не приказал перерезать (петлю). Так же поступил он с одним из своих придворных. Именно, захватив его жену, он хранил ее у себя и после обладания ею до пресыщения отсылает обратно мужу, а потом велит повесить на балке над столом, где муж ее с семейством обычно принимал пищу. Висела она там так долго, пока это было угодно тирану.

Когда он опустошал владения воеводы Ивана Петровича, то в лагере у него были отборнейшие женщины, выдающейся красоты, приблизительно в количестве 50, которые передвигались на носилках. Для охраны их он приставил 500 всадников. Этими женщинами он злоупотреблял для своей похоти. Которая ему нравилась, ту он удерживал, а которая переставала нравиться, ту приказывал бросить в реку.

ТИРАН ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВИДЕНИЙ

В тюрьме содержался один сын некоего знатного человека. Так как тюрьма уже надоела несчастному, то, желая войти

в милость к тирану, он выдумал, что видел сон, якобы польский король попал в плен и приведен к тирану. Тот велел вызвать узника из тюрьмы и спрашивает, что за сон он видел. Тот ответил, что видел во сне, будто польский король взят в плен и, приведенный к тебе, стоял в оковах. Выслушав его, тиран тащит несчастного к допросу, желая выудить причину этого выдуманного сна. Он подвергался пыткам до такой степени, что едва остался в живых, и под пытками вынужден был сознаться, что выдумал сон, чтобы благодаря ему мог получить свободу. Но несчастный обманулся в своей надежде. Именно, тиран велит его опять втолкнуть в тюрьму, говоря, что его надо держать до тех пор, пока к нему, тирану, не приведут пленником польского короля и сон не оправдается.

Однажды пришел к тирану некий старец, по имени Борис Титов, и застал тирана сидящим за столом, опершись на локоть. Тот вошел и приветствует тирана; он также дружески отвечает на приветствие, говоря: „Здравствуй, о премного верный раб. За твою верность я отплачу тебе некиим даром. Ну, подойди поближе и сядь со мною". Упомянутый Титов подошел ближе к тирану, который велит ему наклонить голову вниз и, схватив ножик, который носил, взял несчастного старика за ухо и отрезал его. Тот, тяжко вздыхая и подавив боль, воздает благодарность тирану: „Воздаю благодарность тебе, господин, за то, что караешь меня, твоего верного подданного". Тиран ответил: „С благодарным настроением прими этот дар, каков бы он ни был. Впоследствии я дам тебе больший".

Также и воеводу Владимира, который был ввергнут в тюрьму и долго и строго содержался с польскими пленниками, тиран велит привести к себе в Александровский дворец и там под-
л. 25 об. вергнуть пыткам. Он слышал, что тот || по чувству сострадания велел похоронить утопленного в реке по приказу тирана слугу князя Курбского. Тиран думал, что Владимир устроил какой-то заговор с Курбским и ложно обвинил его, наконец, в том, будто он неоднократно переписывался с Курбским. Этот несчастный умер от боли среди пыток; тело покойного тиран бросает в воду.

В 1566 году сошлись вместе многие знатные лица, даже придворные самого тирана, число которых превышало 300 человек, для переговоров с ним и держали к нему такую речь: „Пресветлейший царь, господин наш. Зачем велишь ты убивать наших невинных братьев? Все мы верно тебе служим, проливаем

кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздаешь нам такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим своих телохранителей, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших, чинят обиды, бьют, режут, давят, под конец и убивают". Тиран в гневе ввергает всех в тюрьму; там их держат пять дней. После этого он велит их вывести и одним из них отрезал языки, другим вместе ноги и руки, третьих бьет палками, а четвертых отпускает. Но немного спустя он вспомнил о тех, кто был отпущен, и, негодуя на увещание, велит схватить их и разрубить на куски.

Узнай также про охоту тирана. В зимнее время, как только какая-нибудь кучка людей соберется по обычаю на площадь для покупки необходимых предметов, тиран тотчас велит тайком выпустить в средину толпы диких медведей. Люди, при виде медведей, от неожиданности и не подозревая ничего подобного, разбегаются, а медведи преследуют бегущих и, поймав людей, валят их и, растерзав, забивают на смерть.

Если жены умерших жалуются тирану на обиду, полученную от медведей, || то он велит отсчитать им три серебреника, как л. 26
плату с головы. Если кто-нибудь скажет, что это позор таким жалким образом уничтожать и терзать людей зверями, то прихлебатели отвечают: „Нет никакого позора, а скорее утеха для государя и сыновей его, которые страстно наслаждаются такими зрелищами".

Если тирану любо усладить свою душу охотой в Александровском дворце, то он приказывает зашить кого-нибудь из знатных лиц в шкуру медведя и зашитому выступать на четвереньках, на руках и на ногах. Наконец он выпускает собак чудовищной величины, которые, принимая несчастного за зверя, разрывают и терзают его на глазах самого тирана и сыновей его. Таковы его зрелища и охоты.

Все московиты чуждаются телятины и считают большим позором, если кто ею питается. Вышло так, что когда крепостные крестьяне тирана были посланы в Вологду для постройки крепости, то несчастные из-за сильного голода и недостатка в продовольствии, не имея ничего для еды, купили телят и питались ими. Когда тиран узнал это, он приказывает некоторых сжечь живыми за то, что они питались (этим) мясом, (говоря), что великий грех — есть телятину, меньший — конину, которую они предпочитают всему.

Там же в Александровском дворце один крестьянин пришел к дьяку тирана и принес ему в подарок рыбу-щуку. Это увидел бывший там случайно один монах, злейший враг дьяка. Монах пошел к тирану и обвиняет дьяка в таких словах: „Пресветлейший государь. Вот этот твой дьяк, воздерживаясь от малых рыб, пожирает большие, которые обычно ловит из твоих садков". Тиран, выслушав обвинение, по своему легковерию посылает за дьяком. Тот пришел сам и приветствовал государя, кланяясь земно, согласно обычаю этого народа. Тиран, осыпая его бранью, сказал: „Ты, злодей, ешь больших рыб из моих садков, л. 26 об. хотя там || могут оказаться и малые. Так ступай же ешь и тех и других, больших и малых". И, поверив лживому обвинению монаха, он велит утопить несчастного в пруде из-за одной рыбы.

В том же Александровском дворце, когда тиран узнал, что к нему вернулся из Польши выкупленный московский воевода, которого поляки взяли в плен при завоевании Изборска, то велит вбить в землю кол посредине площади этого дворца и привязать к упомянутому колу воеводу с двумя боярами. Сев на коней, тиран со своими сыновьями стал разъезжать вокруг и около кола и говорил со злыми упреками: „Вы не умели защищать крепость и себя самих, когда вас осаждали поляки и литовцы, так я научу вас теперь". И вместе со всеми телохранителями лучниками он начал пронзать несчастных стрелами, и они были пронзены стрелами до такой степени, что от множества стрел, в них вонзившихся, нельзя было различить их тел. Так замученных он велит вытащить из дворца за веревку, привязанную к ногам. Вот какую награду получил воевода, для которого лучше было быть изгнанником в Польше, чем позорно погибнуть, вернувшись на родину.

На татар, бывших у тирана на военной службе, в числе нескольких сотен всадников, он также напал с таким коварством. Он велит всем им отправиться в розницу по крепостям на зимовку. А когда они прибыли в назначенные крепости, то по приказу тирана были немедленно потоплены в реках. Большая часть их была уничтожена, остаются очень немногие.

Князь Осип Щербатой и Георгий Борятинский, которые были обменены в Польше на Гарабурду и Островича, по своем прибытии в Московию были радостно встречены тираном, и он просил их к себе обедать. Пока они сидели за столом, он по-

дарил обоим по шитому золотом платью, подбитому собольим мехом, и куньи шапки и пил за их здоровье из серебряных чаш, поздравлял с возвращением и расспрашивал о польских делах. Осип Щербатой излагал то, || что ему казалось истинным и под- л. 27
ходящим к обстоятельствам того времени. А князь Борятинский, желая выдать себя за человека, которому польские дела были еще более известны, бесстыдно уверял в правдивости всего того, что ему приходило на язык. Между прочим он сказал, будто оробевший король польский до такой степени боится оружия князя Московского, что у него нет выхода, куда ему обратиться, и другое в том же роде. После обеда тиран встает из-за стола, а эти вернувшиеся воеводы стали там, где должен был пройти тиран. При виде их он также остановился и, зная, что это ложь и выдумки, зовет Борятинского: „Ну-ка скажи же мне, насколько страшен я польскому королю". Тот ответил: „Пресветлейший царь, он сильно боится не только твоей особы, но если кто из твоих воевод будет замечен с твоими знаменами в пределах Литвы, то польский король в страхе обращает тыл, ибо признает себя неравным, чтобы состязаться с тобою оружием". И когда он дальше стал рассказывать много невероятного превыше меры, то тиран, заметив лесть, вскоре ответил: „Жаль мне польского короля, что он до такой степени труслив" и без замедления, обратив речь к Борятинскому, осыпал его ругательствами, говоря: „Вероломный, узнаю твои лукавства и коварства" и, схватив палку, стал колотить его по голове и по спине, выбивая пыль из упомянутой пожалованной одежды. Тот покорно упал в ноги тирану, благодаря его за наказание и говоря, что не желал покидать его, но всегда стремился к нему и хотел бы даже всецело трудиться для него навеки. Тиран ответил: „Знаю, что ты меня не покинешь, ибо я не позволю тебе уйти от меня" и вторично, при повторении этих слов, стал бить его палкою по спине, говоря: „Вероломный, я знаю твои плутни и коварства". Другой воевода более благоразумно позаботился и о своей жизни и о своем добром имени. Именно, на вопросы о польских делах он отвечал сдержанно, так что для слушателей все представлялось вероятным. О, славные дары! || л. 27 об.

После отъезда послов вашего королевского величества прежде всего тиран поразил секирою Третьяка, брата Висковатого, вымучив у него деньги. Жена его также была схвачена,

и тиран приказывает привести ее к себе. Она пала ему в ноги; он велел поднять ее, говоря: „Встань, взгляни на меня“, при этом он сбросил плеткой шапку, которую та надела на голову, и спросил женщину, чья она дочь, из какого семейства родом. Та указала, чья она (дочь). Выслушав это, он поднял руку и дал знак телохранителям. Те без всякого промедления совлекли с несчастной одежды и обнажили ее, а один, привязав веревкой и сев верхом, волочит ее к реке и топит там.

Знатный муж Федор Башкин был брошен в тюрьму за Евангелие христово. Когда тиран узнал это, то велит привести его к себе, упрекает за лютеранство и обещает дать ему многое, если тот пожелает отказаться от исповедания евангельского учения. Тот сказал в ответ: „Великий князь, я не забочусь об этих временных благах и приношу тебе благодарность за эту щедрость и милость. Но нам надлежат больше заботиться о той вечной жизни, которую уготовил сын божий верующим в него. Это заслуженно должна быть главная из забот. Я также предпочел бы тысячу раз умереть, чем из-за этих преходящих благ потерять вечные“. По внушению сатаны тиран велит убрать его и говорит: „Раз ты приемлешь учение евангельское, то пойдешь в огонь“. Его велено было вывести из Кремля, посадить в деревянную клетку и сжечь.

Далее, чем грязнее и бесстыднее ведет себя кто-нибудь за столом тирана, тем является он за это ему более угодным и приятным. У тирана были два родных брата Гвоздевы. Один занимал должность начальников двора, но уже скончался от моровой язвы после отъезда послов вашего королевского величества. Другой же исполнял обязанности спальника князя
л. 28 Московского и часто имел обычай || потешаться и шутить за столом до такой степени неблагородно и бесстыдно, что от этой грязи и срама не пристойно и писать об этом. Однажды, когда он особенно прибегал к шуткам чрезмерно постыдного и грязного рода, тиран велит ему отойти от стола. Когда он удалился от стола, тем временем принесли кипящую капусту. Тиран снова велит позвать его обратно и подойти ближе к себе. Как только тот подошел и наклонил голову к земле, тиран обливает ему голову этой кипящей капустой. Тот кричит от боли: „Помилуй ради бога, величайший царь“ и хочет удалиться от стола. Но тиран, вытащив ножик, хватает Гвоздева за руку и пронзает ножом. Тот, уязвленный полученной раной, падает

на землю. Стоящие рядом поднимают его и выносят на двор. Тиран, правда поздно, начал раскаиваться в своем поступке, что он пронзил несчастного, позвал врача и велит ему заботиться о нем. Врач, желая лечить, находит его уже мертвым. Он возвращается к князю тирану и тот снова просит полечить несчастного. Врач ответил: бог на один раз вложил душу человеку, а он лично, раз душа покинула тело, никоим образом не может призвать ее обратно в тело. Тиран, махнув рукою, говорит: „Так пусть убирает его дьявол, раз он не пожелал ожить".

Братской любви у них нет никакой; взаимная привязанность и расположение пропали. Именно, братья преследуют друг друга взаимно с озлобленной ненавистью, клевещут, возводят ложные обвинения пред тираном. Сын восстает на отца, отцы в свою очередь на сыновей. Редко можно слышать у них приятельский разговор, до такой степени чуждаются они товарищества, общения, друзей, всех. И при дворе тирана были два брата, один из которых, несколько более бесстыдный, играл роль шута, другой считался в числе знати. По чистой случайности среди завязавшихся разговоров старший брат в шутку назвал упомянутого шута его отцовским именем Оболенский. Тот в негодовании || на это имя (именно, с тех пор как он был л. 28 об.
приписан ко двору тирана, он изменил и презрел дедовское и отцовское имя и велел называть себя Прозоровским) пожаловался на обиду тирану, что брат якобы поносит его честь, называя его отцовским именем. Тиран отсылает обоих к суду бояр для разбора дела. Шут, как это было у него в обычае, приводит с собою медведя и там же, на суде, пред судьями выпускает медведя на брата. Дикий медведь с врожденной ему свирепостью стал рвать и терзать человека когтями. Упомянутые судьи начали бить медведя кулаками и палками, пока тот не отпустил его. Меж тем, когда медведь отходил, прибегает шут и взрезает ножом икру ноги поверженного брата, а кровью, которая обильно хлынула из раны, мажет пасть зверя. Медведь, отведав человеческой крови, приходит в ярость, снова нападает на человека, схватывает его, валит, терзает. Наконец, шут, по чувству сострадания, попытался вырвать брата из пасти медведя, но уже не мог оттолкнуть бешеного зверя, и этот медведь протащил несчастного в другие палаты, где обычно принимают посланцев государей. Желая вознаградить и поправить это из ряду вон выходящее бесчестие, брат шут препоручает растерзан-

ного и измученного вниманию тирана, и пострадавший записан был в число придворных тирана.

Как вел себя тиран в день св. пророка Илии, после отъезда послов вашего королевского величества, в отношении к польским пленным, которых держал заключенными в городе Москве, в трех башнях. Когда уже начался обед, после второй перемены, тиран вскакивает из-за стола с криком: „Эйя, эйя“ и велит всем следовать за ним. Устремляются из дворца в рассыпную все телохранители и придворные и еще 1500 конных стрельцов и наперерыв следуют за тираном. Достигают они двора Петра Серебряного, предводителя московских войск. Тиран посылает Малюту, чтобы силком вытащить Серебряного из хором. Малюта неукоснительно исполнил это и вывел несчастного на
л. 29 двор || палат и там отрубил голову самому Серебряному и его слуге, пленному литовцу, последовавшему за господином. На другую улицу города тиран послал конюшего, по имени Булата, к одному знатному мужу, жену которого год тому назад он велел повесить пред дверьми. Ему также отрубают голову. Виновники убийства приносят головы обоих к тирану со словами: „Великий князь, исполнено, как ты приказал“. Тот, ликуя восклицает: „Гойда, гойда!“, и остальная толпа палачей вторит его возгласу.

От этого места тиран отправился к тюрьмам, где содержались пленные поляки. Когда он был не в дальнем расстоянии от темницы, с ним встретился один купец и при виде тирана повернул вспять. Тиран велит преследовать несчастного и захваченного разрубить на части. При дальнейшем продвижении, у самых башен, навстречу попался сторож темницы, который равным образом, заметив тирана, побежал назад. Тиран также велел схватить его, спрашивая о причине бегства. Тот ответил, что сделал (это) от страха. Тиран сказал: „Постараюсь, чтобы ты больше не страшился“ и велит рассечь его у себя на глазах.

Как только добрались до темниц, где были пленные поляки, тиран велит сторожу скорее отпереть темницу. Тот дрожащими руками едва может отпереть от страху. Тиран снова кричит: „Открывай, открывай!“ Когда двери были отворены, приходят бояре, которые сторожили заключенных. Тиран говорит боярам: „Сюда, сюда выводите заключенных!“ Те хватают, кто им только попался без разбора, и выводят Павла Быковского. Тиран немедленно вонзил копье в его грудь. Тот несчастный с усиленной

борьбой пытался вырвать своими руками вогнанное копье из руки тирана. Тиран зовет на помощь сына, который другим копьем, которое держал, пробил грудь Быковского; тот, упав на землю, умирает.

Затем выводят другого, Альберта Богуцкого. И его также || л. 29 об.
тиран пронзает копьем. На третьем месте выводят чеха Безу, и его также он проколол копьем. После убийства этих трех лиц он восклицает: „Гойда, гойда!“ и стоящие вокруг телохранители повторяют то же восклицание. Когда телохранители были впущены в темницу, тиран велит рассекать всех пленных, которые оставались, и порезано было 55 человек. Пока упомянутые телохранители были заняты этим избиением, тиран отправляется к другой башне и там вначале собственноручно пронзает троих: первым — знатного мужа Ракузу, вторым — его зятя Якова Мольского, а третьим — одного незнатного. Телохранители рассекли остальных, число которых было также 55, с их женами и детьми, ибо тиран не пощадил даже младенцев, едва три дня тому назад появившихся на свет.

Приехал он к третьей башне и из нее равным образом убивает всех пленников, числом 55.

По свершении подобной жестокости тиран возвращается в Кремль и там проводит в веселии весь день до вечера, приказывая играть на трубах и бубнах. При закате солнца, с первыми огнями, он отправляет крестьян, велит им наложить тела убитых на телеги, отвезти их на кладбище, где происходит погребение иностранцев, и предать земле. Одна женщина, спрятавшись среди трупов, осталась живою. Она просила упомянутых крестьян позволить ей свободно уйти оттуда, но просьбы ее были напрасны, и ее также бросают среди тел убитых и хоронят заживо.

Остались еще два польских пленника: один служитель капитана Чичирского, по имени Андрей Мочаржевский, другой раб господина Стабровского. Как только тиран узнал, что они живы, на следующий день велел их казнить смертию. || л. 30

ТИРАНСТВО НАД БОЯРАМИ

В праздник св. апостола Иакова тиран посылает телохранителей на площадь города Москвы. Они получили приказ вбить в землю приблизительно 20 очень больших кольев; к этим

кольям они привязывали поперек бревна, края которых соприкасались с обеих сторон с соседним колом. Население города, устрашенное таким небывалым делом, начало прятаться, Сзади кольев палачи разводят огонь и над ними помещают висячий котел или рукомойник, наполненный водой, и она кипит там несколько часов. Напротив рукомойника они ставят также кувшин с холодной водой. После этих приготовлений на площадь города является со своими придворными и телохранителями тиран в вооружении, облеченный в кольчугу, со шлемом на голове, с луком, колчаном и секирой. И телохранители его имели одинаковое вооружение. За ними следовали 1500 конных стрельцов верхами, и все стали кругом в обхват. А сам тиран стал в их сборище в той части, где висел котел с водою. Вслед затем приводят связанными 300 знатных московских мужей, происходивших из старинных семейств; большинство их — о жалкое зрелище! — было так ослаблено и заморено, что они едва могли дышать; у одних можно было видеть сломанные при пытке ноги, у других руки. Всех этих лиц ставят пред тираном. Он, видя, что народ оробел и отворачивается от подобной жестокости, разъезжал верхом, увещевая народ не бояться. Тиран велит народу подойти посмотреть поближе, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев. Услышав это, народ подходит ближе, а другие влезают на крыши домов. Тиран снова возвращается к черни и, стоя в середине ее, спрашивает, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников. Народ восклицает громким голосом: „Живи, преблагий царь.
л. 30 об. Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их“. || Тиран, вернувшись, остановился на своем месте. Он велит вывести на средину 184 человека и говорит своим боярам, которые стояли в некотором отдалении от упомянутой толпы телохранителей: „Вот возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собою; не имею никакого суда над ними“, и они были отпущены из упомянутой толпы стоявших кругом к свите бояр.

Тотчас вслед затем выходит на средину дьяк тирана Василий Щелкалов с очень длинным списком, перечисляя подряд туда внесенных. Он велит вывести на средину Ивана Михайловича, секретаря тирана и заместителя казначея, и упрекает его в порядке списка, в вероломстве и обмане, ища случая и причины для его смерти следующим образом: „Иван, секретарь великого

князя, вероломный вероломно поступил. Именно, он написал королю Польскому, обещая ему предать крепость Новгородскую и Псковскую. Это — первый знак твоего вероломства и обмана". При этом он ударил его по голове плетью, называя вероломным и неверным. „Второй знак вероломства и обмана: ты писал к царю Турецкому, увещевая его послать войска к Казани и Астрахани. Это второй твой обман и вероломство. В третьих ты писал царю перекопскому или таврическому, чтобы он опустошил огнем и мечом владения великого князя. Тот, учинив набег с войском, причинил большой урон жителям Московской земли. И раз ты виновник столь великого бедствия, ты уличен в вероломстве и обмане, учиненном против твоего государя". При этом он ударил его бичом в третий раз.

Иван Михайлович ответил: „Великий царь, бог свидетель, что я не виновен и не сознаю за собою того преступления, которое на меня взводят. Но я всегда верно служил тебе, как подобает верному подданному. Дело мое я поручаю богу, пред которым согрешил. Ему я предоставляю суд, он рассудит мое и твое дело в будущем || мире. Но раз ты жаждешь моей крови, л. 31
пролей ее, хотя и невинную, ешь и пей до насыщения". Телохранители подходят, убеждают его лучше сознаться в своей вине и умолять государя о милости и сострадании. Тот отвечает: „Будьте прокляты с вашим тираном, вы, которые являетесь гибелью людей и питухами крови человеческой. Ваше дело — говорить ложь и клеветать на невинных, но и вас будет судить бог, и за ваши дела вы получите соответственные кары в будущем мире".

Тиран подает знак рукою, говоря: „возьмите его". Те схватывают его; снимают одежду, подвязывают под мышки к поперечным бревнам и оставляют так висеть. К тирану подходит Малюта с вопросом: „Кто же должен казнить его". Тиран отвечает: „Пусть каждый особенно верный казнит вероломного". Малюта подбегает к висящему, отрезает ему нос и садится на коня; подбегает другой и отрезает ему ухо, и таким образом каждый подходит поочередно, и разрезают его на части. Наконец подбегает один подьячий государев Иван Ренут и отрезает ему половые части, и несчастный внезапно испустил дух. Заметив это и видя, что тот, после отрезания члена, умирает, тиран воскликнул следующее: „Ты также скоро должен выпить ту же чашу, которую выпил он". Именно, он

предполагал, что Ренут из жалости отрезал половые части, чтобы тот тем скорее умер. И Ренут сам должен был бы погибнуть смертью такого же рода, если бы преждевременно не погиб от чумы. Итак тело его, Ивана Михайловича, было отвязано и положено (на землю); голова, лишенная ушей и носа, была отрезана, а остальное туловище телохранители рассекают на куски.

Николай Фуников, заместитель казначея самого тирана, второй товарищ этого убитого, происходивший из старинного семейства, который своим саном и достоинством превосходил прочих. Упомянутый выше дьяк велит вывести его и перечисляет его злодеяния, обвиняя равным образом в вероломстве. Этот несчастный кратко отвечает, что он, конечно, прегрешил пред богом, но в отношении государя не совершал никакого преступления и не сознает за собою того преступления, в ко-
л. 31 об. тором его обвиняют. || Воля тирана допустить, чтобы его убивали безвинно. Тиран ответил в следующих словах: „Ты погибнешь не от моей руки, не по моему внушению или, скорее, не по моей вине, а твоего товарища, его ведь ты слушался, от него всецело зависел. Даже если ты и ни в чем не прегрешил, тем не менее ты ему угождал, поэтому надлежит погибнуть обоим". По данному знаку палачи влекут его на казнь, привязывают точно так же, как раньше его товарища, и (один) телохранитель, схватив чашу холодной воды, обливает его, а другой водой кипящей, и с сильной яростью они поливают его то холодной, то теплой водой, пока он не испустил дух.

Третьим тиран велит вывести своего повара и присуждает его к тому же роду смерти, оклеветав его, что он получил 50 серебреников от брата Владимира, чтобы извести тирана ядом. Но у этого несчастного никогда не было в душе ничего подобного; наоборот, сам тиран погубил ядом своего двоюродного брата Владимира, перекинув свою вину на повара, которого он также приказал казнить.

Четвертым выводят дьяка Григория Шапкина с женою и двумя сыновьями. Тут соскочил с коня князь Василий Темкин, который был обменен на пленного воеводу полоцкого Довойну, и, обнажив меч, отрубил голову Григорию, его жене и двум сыновьям; обезглавленных он положил подряд пред ногами тирана.

Пятым выводят с женою дьяка Ивана Булгакова. Его, вместе с женою, обезглавил Иван Петрович, который ныне отправился

с Магнусом для осады Ревеля, и обоих, обнаженных до самых пят, положил пред тираном.

Шестым выводят знатного дьяка тирана Василия Степанова. (Тут) также один слез с коня и отрубил ему голову. || Так в по- л. 32
рядке, согласно перечню списка, выводили скованных на убийство. Их умертвили 116. И всякий из телохранителей, отрубив человеку голову, шел к тирану, протягивая окровавленный меч.

Напоследок же приводят одного старика, полумертвого от страха. Он виснул на руках телохранителей, ибо не мог стоять на ногах. Тиран пронзил его копьем. Не довольствуясь одним ударом, который был смертельным для этого старика, он повторил удар шестнадцать раз. После этого он приказал отрубить старику голову. Это тиранство он проявил в течение 4 часов. По совершении этого он отправляется в свой дворец. Тела же убитых, ограбленные и обнаженные, лежали на земле, на середине площади, до вечера. Впоследствии тиран приказал вынести их за город и свалить в одну яму для погребения.

На третий день после этой жестокости он велит привести на ту же площадь девять сыновей бояр, еще юношей. Малюта с другими придворными отрубили им головы. Тела их лежали непогребенными семь дней и были добычей собак, ибо их находили повсюду среди собак растерзанными и разорванными.

Немного спустя он приказывает схватить также жен и дочерей убитых, приблизительно 80, и препоручил бросить их в воду. Остальная часть пленных, куда бы они ни обратились, приводится во дворец. Число их достигает приблизительно 500. Из них каждый день по своему усмотрению тиран велит убивать иногда двадцать, иногда тридцать, мучая несчастных разного рода смертью.

Говоря вкратце, он так опустошал город Москву огнем и мечом, что (там) можно было видеть несколько тысяч опустелых домов, так как в них не было никаких обитателей. Люди от голода нападают ночью также и на жилые дома и, убивая один другого, питаются его трупом. Река, которая омывает город, полная трупов, делает для всех воду невкусной || и нездоровой. И то, что творится (здесь), истинно. Когда л. 32 об.
бог хочет наказать какой-нибудь народ за его злодеяния, он обычно поражает его не одной гибелью и наказанием, а вместе многими и разнообразными. В городе же царит такая пустота, что едва ли, по моему, подобную испытал и Иерусалим.

Тем временем, пока тиран истреблял сыновей бояр и других невинных людей, у него был один обвиненный, которого он поручил охранять и сторожить одному своему придворному. Находясь под стражей, этот узник начал жаловаться в присутствии придворного на нечестие и тиранство государя, что он проливает неповинную кровь, и заявлял, что скоро настанет божественное возмездие и что это злодеяние не пройдет безнаказанным. Упомянутый придворный ничего не отвечал на это, а безмолствовал. Узник же, опасаясь, что в силу этого молчания придворный обвинит его пред тираном, предупредил придворного и, составив письмо тирану, дает своему стражу отнести его, что тот и исполнил. А написано было, что узник хочет передать нечто государю тайно и потому просит иметь возможность доступа к нему. Тиран, прочитав письмо, велит допустить к себе этого узника. Тот предмет своих жалоб перевел на невинного придворного и обвиняет его, якобы он говорил такие слова против государя. Тиран спрашивает, так ли было дело. А этот придворный от страха сознался, что он, правда, говорил это, но без всякого зложелательства, а по чувству сострадания к неповинной крови, которая каждый день проливается в изобилии. Тиран тотчас велит рассечь его на куски и в таком виде бросить в воду, а упомянутого узника и прочих, содержавшихся в оковах, отпустил на свободу.

л. 33 ПРЕДЧУВСТВИЕ ТИРАНА ИЛИ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ ||

В ту самую зиму, когда тиран отправлялся для истребления Новгорода, когда уже должны были пуститься в путь, у служителя Афанасия Вяземского был борзый конь, очень породистый, украшенный жемчугом и золотом. Этот конь случайно порвал удила и вырвался, а упомянутый раб стал его ловить, когда он пробегал между полками тирана. Тиран тем временем выходил из дверей дворца. Когда он увидел мчавшегося вскачь коня, перебежавшего ему дорогу, то велит схватить его и упомянутого раба, рассечь обоих, раба и коня, и бросить в болото. Именно, он считал это зловещим предзнаменованием, если кто-нибудь до отправления князя перейдет ему дорогу; а это случилось уже со многими, которых он наказал с такой же злобой.

Предметом поругания и бесчестья для тирана служат и женщины, если с какой из них он встретится на пути. Именно, если

едет какая-нибудь знатная женщина, или супруга воеводы, или лица какого-нибудь другого положения или состояния, то, заметив ее, тиран тотчас посылает спросить у нее, кто она. Если та скажет, что она жена того, на кого он сердит, то он тотчас велит ей сойти с носилок и в таком виде поднять платье и предоставить срамные части для созерцания всех. Ей нельзя двинуться с места, пока тиран со всею своей свитой не увидит ее обнаженной.

То, что я пишу вашему королевскому величеству, я видел сам собственными глазами содеянным в городе Москве. А то, что происходит в других больших и малых городах и крепостях, едва могло бы уместиться в (целых) томах.

УКАЗАТЕЛЬ ПОСОБИЙ

Ссылки на иностранных писателей (Гваньини, Ульфельда, Одерборна, Кобенцеля), ради удобства, приведены по плохому изданию Старчевского Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI. Volumina primum et secundum. Berolini et Petropoli. MDCCCXLI — MDCCCXLII.

Соловьев. История России. Издание Товарищества „Общественная польза".

Таубе и Крузе. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Перевод М. Г. Рогинского. Русский исторический журнал, кн. VIII, П., 1922, стр. 8—59.

Тупиков. Словарь древне-русских личных собственных имен. Труд Н. М. Тупикова, СПб., 1903.

Штаден. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. Издание М. и С. Сабашниковых, М., 1925.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 15.

Васильевича] В оригинале Basilii, что должно соответствовать формам Basiliades у Гваньини и Basilides у Одерборна.

Стр. 16.

Овчина] „Молчание Курбского о причине казни Овчинина заподозревает приведенное известие (о ссоре Овчины с Басмановым); Курбский также противоречит его автору (Гваньини) относительно того, как убит был Овчинин". Соловьев, II, стр. 154.

Стр. 19.

Узами повиновения] У Гваньини прибавлено (стр. 29): „Выстроив его (дворец), он присвоил исключительно себе (под предлогом провождения монашеской жизни) более выдающиеся крепости с богатыми ежегодными доходами, произведя отбор их из всего государства".

Стр. 20.

Смерть кн. Ростовского рассказана у Гваньини, а по нему у Карамзина.

30 воинов] Гваньини: „сорок".

Стр. 23.

По этой причине] Изложение несколько несвязно. Бельский и Мстиславский открыли Ивану IV подробности заговора, во главе которого стоял Челяднин-Федоров.

Хозяином Дубровским] У Гваньини этого рассказа нет, так как, вероятно, он отожествил это лицо с Казариным-Дубровским, о котором Шлихтинг говорит ниже (стр. 24). „Хозяин Юрьевич Тютин, казначей московский 1547 г. А. Э. I 175, 218", Тупиков, стр. 416.

зятя] У Гваньини (стр. 33) он назван тестем (socer). С нашей точки зрения было бы правильнее шурин (брат жены царя), но по-латыни, насколько мне известно, такого родственного термина не было. Отчество этого шурина у Гваньини передано точнее: Temrucovicz.

Стр. 24.

Примерно в том же году] 1568. Здесь изложение Гваньини гораздо более точно, чем у Шлихтинга. У этого последнего даты нет нигде, тогда как у Гваньини она приведена пред рассказом об убийстве Челяднина-Федорова, непосредственно за которым следует изложение обстоятельств гибели Казарина-Дубровского.

Стр. 25.

перевозка пушек] Она представляла огромные трудности. Ульфельд, посетивший Россию в 1575 г. (Якова Ульфельда Московитское посольство или Русский дорожник, стр. 24), рассказывает, что видел, как одно орудие „надлежащей величины тащили 800 человек".

Гойда, гойда] Собственно „гайда" — тюркское слово для выражения поощрения. Буквально „пойдем". Во всем „Сказании" заметно, при передаче русских слов, неоднократное предпочтение звука *о* пред *а*. Так, повсюду встречаем Ofanasci = Офанасий, Козарин вместо Казарин и т. д.

Стр. 28.

шестьсот всадников] У Гваньини семьсот.

Стр. 29.

2770 из более знатных и богатых] Гваньини дает ту же цифру. Вообще же число жертв новгородского погрома передается весьма различно. Таубе и Крузе определяют их в 27 000. Псковская летопись — в 60 000, Горсей даже в 700 000 (Ср. Русск. историч. журнал, кн. 8, стр. 20). Духовник польского посольства Джерио дает 18 000 (Historica Russiae monumenta, т. I, стр. 214).

сто семьдесят монастырей] У Гваньини 175.

Стр. 30.

кобылу] У Гваньини прибавлено „жеребую".

двенадцать тысяч] У Гваньини тридцать тысяч.

Стр. 32—33.

Афанасий Вяземский] У Гваньини (стр. 36) более правильно, в соответствии со всем повествованием о Новгородском погроме, сказано, что царь доверял маршрут одному только Вяземскому, тогда как у Шлихтинга в этой роли является еще некий Василий Хузин (?). Также и в рассказе о роде смерти Вяземского имеется разногласие: по Гваньини он умер от побоев (стр. 37); Шлихтинг, не зная точно, выразился осторожнее: „несчастный до сих пор подвергается непрерывному избиению" (стр. 33); третья версия, что Вяземский умер в посаде Городецком (нынешнем городе Бежецке) в оковах, принадлежит Штадену (стр. 96). Следует заметить кстати, что в издании Штадена текст несколько противоречит указателю, где сказано (стр. 156), что Вяземский „был казнен по связи с новгородским делом".

Стр. 33.

Тиран приказал] Шмурло (Россия и Италия, о. с., стр. 254) относит это приказание к доктору, но контекст говорит, кажется, против этого.

Стр. 34.

вождя этого тиранства] Гваньини видит в нем Малюту Скуратова (стр. 36).

Ярославль-Лазинк (?)] У Гваньини (стр. 39) названы только четыре города: Переяславль, Ростов, Углич, Кострома.

Стр. 35.

погибли 6 человек] Гваньини (стр. 37) в числе их считает и двух стрельцов-доносчиков.

Димитрий Васильевич] Гваньини (стр. 38) более точно называет его Василий Дмитриевич; дальше и сам Шлихтинг два раза называет его Василием. Одерборн („Жизнь Иоанна Васильевича, великого князя Московского", кн. II, стр. 215) упоминает это лицо в числе полководцев, отправленных для взятия Казани.

Стр. 36.

дьяк тирана] Гваньини прибавляет (стр. 37): „соединенный с ним кровным родством". Одерборн (кн. II, стр. 233) называет его Telatovius.

Стр. 37.

своих секретарей] Гваньини (стр. 32) называет его Мяссоедовским.

сын некоего знатного человека] Одерборн (см. примеч. к стр. 35) называет его (стр. 234) Casarinus Vlodimirus.

Стр. 39.

третьих бьет палками] У Гваньини (стр. 33): „пятьдеесят же более выдающихся мужей приказал всенародно бить на площади палками и розгами".

три серебреника] У Гваньини (стр. 38): „сто или двести серебряных денег московитской монеты".

прихлебатели] В оригинале gnatones. Gnatho — имя паразита в комедии Теренция „Евнух".

крепостные] В оригинале villani. Гваньини относит этот случай к 1569 г., когда царь сам был в Вологде.

Стр. 40.

воевода] Одерборн (кн. III, стр. 262) называет его Polubensius.

Стр. 41.

Третьяка] У Гваньини (стр. 40) этот эпизод представлен в совершенно искаженной форме. Именно, Третьяк оклеветал пред царем родного брата, которого тот и велел казнить. Сказанное Шлихтингом про жену Третьяка, отнесено у Гваньини к жене упомянутого брата.

Стр. 42.

Башкин] Его неверное имя (Федор вместо Матвей), может быть, дано ему потому, что Шлихтинг спутал его с его последователем Феодосием Косым. В русских источниках про сожжение Башкина не упоминается. Вероятность этой кары может быть подтверждена свидетельством посла Максимилиана II, Кобенцеля (1577 г.), что Московиты ненавидят лютеран больше, чем турок (стр. 14).

капусту] У Шлихтинга просто olus („зелень"), у Гваньини (стр. 31) caulis.

Стр. 43.

два брата] У Гваньини (стр. 40) этот факт отнесен к 1570 году.

Прозоровским] У Гваньини (там же) Povrozowski, что он объясняет как: „веревочник", „висельник", „человек, достойный петли".

Стр. 44.

в день пророка Илии] 20 июля (ст. ст.) 1570 г. (ср. Гваньини, стр. 41).

одному знатному мужу] Гваньини (стр. 42) здесь называет его „Мясоедом". Ср. примеч. к стр. 37.

Стр. 45.

Ракузу] У Гваньини спутанно (стр. 42): „из которых один был русский, зрелого возраста, полочанин, Яков Мольский". Но также назван и второй пленный.

Одна женщина] У Гваньини (там же) прибавлено: „жена упомянутого Мольского".

В праздник апостола Иакова] 25 июля (ст. ст.) 1570 г.

184] У Гваньини (стр. 43) „сто восемьдесят".

Стр. 47.

„Пусть каждый особенно верный казнит вероломного!"] В оригинале: „Perfidus quisque perfidum occidat". Вероятно, игра слов с perfidus, хотя оно, повидимому, никогда не имело в классической латыни значения „особенно верный". В этом смысле употреблялось perfidelis.

Стр. 48.

а другой водой кипящей] По Гваньини (стр. 45) это был Малюта Скуратов.

Темкин] У Гваньини (стр. 45) сказано про него следующее: „Этот Темкин был изгнан из Литвы за убийство воеводы Полоцкого и убежал в Московию, как в неприкосновенное убежище, и занимал первое и главное место среди придворных государя".

Иван Петрович] У Гваньини (там же) он назван Palatinus Chirkoviensis.

Стр. 49.

жен и дочерей] Гваньини (там же) прибавляет подробность о мучении жены и дочери Фуникова, а именно: жену Фуникова,

которая была сестрой князя Афанасия Вяземского, тиран „велит схватить и натянуть самую жесткую веревку, которая была натянута с одной стороны стены до другой, и посадить ее голым задом на эту веревку, которая срывала очень много мяса и кожи, и женщина протаскивалась с одной стороны до другой с величайшим мучением, чтобы она открыла сокровища мужа. Дочь ее, пятнадцати лет отроду, видя жестокое мучение такого рода, не могла удержаться, чтобы не выразить воплем свою скорбь. Князь велит вытащить ее наружу, но старший сын князя, движимый сожалением, подбегает и, держа ее за платье, так говорит отцу: „Дорогой отец, подари мне эту девушку, я ее запру в тюрьму". На это отец: „Получай, но потом можешь вернуть ее матери". Подвергнув эту благородную женщину таким сильным мукам и такому великому бесчестию, он отослал ее и ее дочь в монастырь, где первая из-за тяжелых ран и мук, которые она претерпела, пока ее таскали по веревке, прожила недолго".

приводится во дворец] Перевод приблизительный. В оригинале: „Reliqua pars captivorum quoquo se verterit cum aula ducitur".

Стр. 50.

один обвиненный] Гваньини (стр. 41) прибавляет, что он был из знатных новгородцев.

Стр. 51.

поднять платье] Ульфельд (см. прим. к стр. 25) рассказывает из времени своего пребывания в Новгороде следующее (стр. 9): „У нас бывали каждый день музыканты, которые представляли по своему обычаю комедии и очень часто среди игры обнажали задние части и показывали всем срамные члены тела, падая на колени и поднимая вверх ягодицы, отбросив всякую стыдливость и скромность. То же самое сделали раз и женщины. Именно, когда мы однажды стояли пред нашим домом на равнине, с очень многими из наших слуг, мы заметили по соседству женщин, которые подняли платья вверх, показали нам через окно срамные части, как передние, так и задние, протягивали голые ноги из окна, то правую, то левую, то ягодицы, то другое, не страшась присутствия приставов".

ПРИЛОЖЕНИЕ

НОВОСТИ ИЗ МОСКОВИИ, СООБЩЕННЫЕ ДВОРЯНИНОМ АЛЬБЕРТОМ ШЛИХТИНГ О ЖИЗНИ И ТИРАНИИ ГОСУДАРЯ ИВАНА

Московский князь сам со своим двором удалился в Коломну, лежащую в 20 милях от города Москвы на реке Оке, под предлогом похода против крымских татар, причинивших минувшей весной Московии огромный вред; на самом же деле он бежал от чумы, которая жестоко опустошает его страну. Он всегда идет степями и лесами (welden), избегая большой дороги, и не заходит в города, замки или усадьбы; при нем толпа (армия, hauffen) в 20 тысяч человек, но они неважны и плохо вооружены; ими командуют князья Бельский и Мстиславский.

Послами он отправляет к вашему королевскому величеству князя Григория Мещерского, князя Ивана Камбурова (Камбарова), крещеного татарина из казанского царства, князя Григория Путятина и Олифа (Осипа) Непея, дьяка или писца. Они уже снаряжаются в путь, но так как во многих московских городах мор, то они еще не успели собраться. Мрут сильно в 28 городах, в особенности же в Москве, где ежедневно гибнет 600 человек, а то и тысяча.

Нынешние верховные правители в Москве следующие: князь Василий Масальский, казначей, и его товарищ Борис Сукин. Московский князь на все должности теперь назначает по два человека; одному он не доверяет.

О герцоге Магнусе. Московский князь сделал его королем лифляндским и под страхом большого наказания велел всем его величать и считать таковым. Так был общий говор, будто Московский князь передал герцогу Магнусу все замки в Лифляндии, но до сих пор тот не получил от него ничего особенного.

А также Московский князь обещал герцогу Магнусу в невесты дочь своего двоюродного брата князя Владимира, которого раньше умертвил вместе с его женой и матерью, но под условием, что он, Магнус, получит Ревель. А герцог Магнус не только хвастался перед московским князем, но и уверял, что вступил в тайное соглашение с некоторыми жителями Ревеля, которые обещали передать ему город.

Когда герцог Магнус был у своей невесты Владимировны, она ему подарила 3000 рублей хорошими деньгами, а также несколько собольих шуб и куньих (marmurkowe) шапок и много полотна. Невесте же он подарил всего одну большую золотую цепь и 500 венгерских гульденов. Вскоре после этого он уехал из Москвы со своими немцами, которых у него было 200 конных. В Пскове его ждал князь Юрий Токмаков с 3000 человек. Потом Московский князь прислал к нему войска под начальством Ивана Петровича Хиронова, так что он, Магнус, имел всего 7000 человек. С этим войском он подступил к Ревелю, чтобы его занять. К Московскому князю он отправил одного за другим двух скорых посланцев или гонцов, но тот не пожелал принять их, он боялся...[1] в действительности же потому, что разгневался, когда понял, что на деле будет не так, как хвастался герцог Магнус, говоря о своем тайном соглашении с рижанами (ревельцами?).

В Москве Московский князь обещал герцогу Магнусу, что даст ему вдоволь войска и денег, лишь бы тот занял в Лифляндии города и замки, имеющие значение; он де будет оказывать помощь до последнего воина. Московиты считают, что раз герцог Магнус все, что взял, занимает при помощи московитов, то он и не будет по своему распоряжаться (укрепленными) местами и замками (которыми он овладел).

О трехлетнем мире с вашим королевским величеством. Бояре, или дворяне, и их сыновья недовольны, что великий князь заключил мир с в. к. в.; они боятся, что пока он живет в мире с в. к. в., он захочет их истребить, но надеются, что в. к. в. не примете этого мира или нарушит его, потому что с послами в. к. в. обращались так тиранически.

Нынешние же послы, которых Московский князь посылает к в. к. в., люди не очень ему угодные, и он отпускает их, словно

[1] В оригинале далее следуют непонятные слова: daz sie nit aus dem Sterben kwemen (чтобы они не пришли из области смерти?).

ему безразлично, если они погибнут; все они едут с великим опасением, что с ними обойдутся так же, как их государь обошелся в Москве с послами в. к. в. Московский князь запретил также, под страхом смертной казни, своим купцам ехать с послами со своими товарами в Литву или Польшу, но купцам в. к. в. разрешается выезжать с различными товарами.

О пленных, которые еще имеются там. Остальные пленные, около 500, которых московский князь еще не умертвил или велел умертвить и которые были в 2 замках, по его приказу уведены в Смоленск, чтобы они там работали, пока их не выкупят или обменяют. Но следует опасаться, — и я придерживаюсь того мнения, — что если их не освободят теперь, пока великие послы находятся у в. к. в., они все должны погибнуть (подобно) тем, которые были взяты в плен в Изборске; все они, количеством в 140 человек, в июле месяце были перебиты в течение одного часа.

О после нынешнего короля Шведского. Этот посол терпит в Москве великую нужду. Ему на 57 человек дают всего по три гульдена на день, так что их перемерло уже с голоду изрядное количество; пить дают им только воду, изредка квасец, мед или пиво никогда. Когда послы в. к. в. оставили Москву, туда приехал гонец или скорый посланец короля шведского с 4 человеками. За ним послали несколько опричников (коих содержит Московский князь около восьмисот) с дьяком или писцом. Они заставили его спрятать свою шапку за пояс, поднять одной рукой письмо своего государя, короля шведского, а другой держаться за кожу седла дьяка и таким образом рысью добежать до двора рядом с конем, что у него было мочи. Затем его втолкнули в темницу к шведскому (?)[1] послу. Он ловкий красавец, высокого роста, с полуседой бородой.

Как настроены по отношению к нему его подданные. Кроме опричников, никто не расположен к тирану. Если бы его подданные только знали, у кого они найдут безопасность, они наверное бы отпали от него. Когда, три года тому назад, в. к. в. были в походе, то много знатных лиц, приблизительно 30 человек, с князем Иваном Петровичем (Шуйским) во главе, вместе со своими слугами и подвластными, письменно обязались, что передали бы великого князя вместе с его опрични-

[1] Знак вопроса имеется в оригинале.

ками в руки в. к. в., если бы только в. к. в. двинулись на страну. Но лишь только в Москве узнали, что в. к. в. только отступали, то многие пали духом; один остерегался другого, и все боялись, что кто-нибудь их предаст. Так и случилось. Три князя, а именно: князь Владимир, двоюродный брат великого князя, на дочери которого должен был жениться герцог Магнус, князь Бельский и князь Мстиславский отправились к Ивану Петровичу и взяли у него список заговорщиков (der vorbitnus) под тем предлогом, якобы имелись еще другие, которые хотят записаться. Как только они получили этот список, они послали его великому князю с наказом, что если он не хочет быть предан и попасться в руки своих врагов, то должен немедленно вернуться в город Москву. Туда он прибыл из лагеря, путешествуя днем и ночью. Там ему показали перечень всех записавшихся. По этому перечню он по сей день казнит всех записавшихся или изъявивших свое согласие, равно как лиц из псковской и новгородской областей. Ивана Петровича, самого знатного из заговорщиков, Московский князь сам ножом, как я в. к. в. в записке, где буду писать об его смерти...[1]

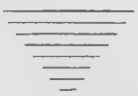
Об его тирании и как его увещевают. Его канцлер Иван Михайлович Висковатый увещевал его, чтобы он подумал о боге и не проливал столько невинной крови, в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то, что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей. А великий князь на это ответил: „Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось. Надеюсь, что смогу это сделать, а если дело дойдет до крайности и бог меня накажет и я буду принужден упасть ниц пред моим врагом, то я скорее уступил бы ему в чем-либо великом, лишь не стать посмешищем для вас, моих холопов (pawern)".

То, что я только что описал в. к. в. и что я еще опишу потом, как великий князь за семь лет, которые я провел в Москве, казнил своих бояр и горожан и еще совсем недавно в июле своего канцлера и казначея, не выдумано, бог тому свидетель, что я все это отчасти сам видел и слышал.

[1] Пропуски в оригинале.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Введение	3
Русский перевод	15
Указатель пособий	52
Примечания	53
Приложение	59

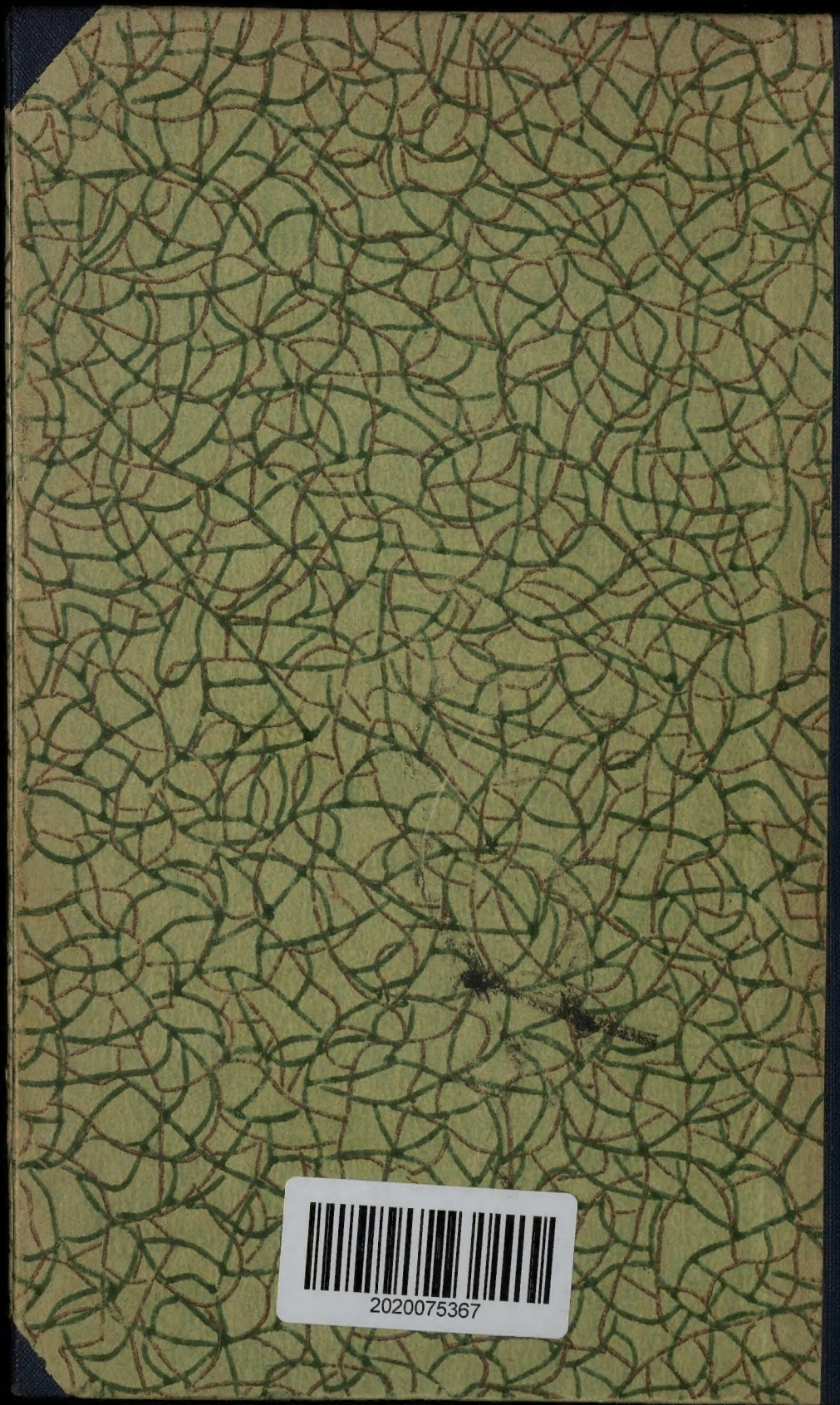


Цена 1 руб. 25 коп.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится Сектором распространения Издательства Академии Наук. Ленинград 1, В. О., Тучкова наб. 2, тел. 5-92-62

Представителем по распространению в Москве и Московской области является Книготорговое объединение Государственных издательств (КОГИЗ).


2020075367